

Свиток 10

Китай. Об истории страны 付国史

Повествование о китайцах-мирянах в «Собрании стародавних повестей» продолжается выборкой из китайских «государственных исторических сочинений», *кокуси*, то есть из «Исторических записок» Сыма Цяня (史記, «Ши-цзи», 109–91 до н.э.), «Истории Хань» Бань Гу (漢書, «Хань шу», 111 г.) и «Истории Поздней Хань» (後漢書, «Хоу Хань-шу»). Во всех этих трудах помимо истории государства в целом рассказывается и об истории отдельных выдающихся людей, и именно эти биографические главы в «Кондзяку» цитируются особенно охотно.

Кроме преданий о правителях, их советниках и полководцах в 10-й свиток вошли рассказы о китайских мудрецах – Конфуции и Чжуан-цзы. Примечательно, что основатель конфуцианства в нашем собрании появляется в том не совсем безупречном облике, который ему придала противоположная, даосская традиция. Возможно, тем самым рассказчики подчеркивают единство двух учений, а значит, косвенным образом, и их единство с буддизмом, ведь и в Китае, и в Японии принято говорить о «трех учениях» – единой традиции Будды, Лао-цзы и Конфуция. Из даосских мудрецов в «Кондзяку» появляется только Чжуан-цзы, как и во многих других японских памятниках; для собраний *сэцува* именно Чжуан-цзы стал одним из главных мудрецов Китая.

Еще один источник, важный для японских рассказов о Китае, – это китайская поэзия, прежде всего сочинения Бо Цзюй-и 白居易 (772–846). Хотя его стихотворения можно назвать «историческими» лишь условно – это истории любви, сбывающейся и несбывающейся, почти всегда печальные – в «Кондзяку» они задействуются еще и как источник сведений о жизни китайского императорского двора. Несколько рассказов заимствовано из таких сборников, как «Записки о поисках духов» Гань Бао (搜神記, «Соушиэнъ-цзи») или уже знакомый нам буддийский «Фаюань чжсулинь».

Хотя, казалось бы, история Китая в Японии эпохи Хэйан изучалась лучше, чем история любой другой страны, в «Кондзяку» появляется несколько рассказов будто бы о Китае, но взятых из неизвестных источников: возможно, индийских, а по предположениям некоторых исследователей – ближневосточных или европейских. Проследить путь этих преданий в Японию очень трудно, но полностью отнести эти гипотезы мы не беремся.

Ещё одна особенность 10-го свитка, отмечаемая в японских исследованиях и комментариях, состоит в том, что несколько рассказов, скорее всего, попали в него из «Секретов мастерства Тосиёри» (俊頬髓脳, «Тосиёри дзуйно:», 1113 г.) – сочинения Минамото-но Тосиёри 源俊頬 (1055–1129) о поэтическом искусстве. В пользу того, что рассказы взяты именно у Тосиёри, говорят изменения сюжетов по сравнению с исходными китайскими текстами, отбор подробностей и расстановка акцентов. Наряду с другими соображениями, это помогает датировать наше собрание концом второго десятилетия XII в. По предположению Кунисаки Фумимаро:, Тосиёри мог быть причастен к составлению «Кондзяку» или даже возглавлять коллектив составителей [Кунисаки 1985]. Несколько общих рассказов 10-й свиток имеет с «Китайскими повестями» (唐物語, «Карамоногатари», середина XII в.), «Рассказами, собранными в Удзи».

Первые три рассказа в 10-м свитке повествуют о государях. Общая тема здесь – переход «небесного мандата» от недостойного потомка прежнего правящего рода к человеку, достойному основать новую династию. В Японии, по убеждению большинства японских авторов, подобное невозможно, но история китайских династий поучительна не только для правителей и советников, но и для всех, коль скоро указывает на большие временные циклы, где за упадком следует новый подъем, пусть даже на ещё большем отрезке времени продолжается закономерная порча мироздания в целом (о которой учат буддисты). Главной приметой скорой смены власти в «Кондзяку» оказывается недоверие между государем и его людьми. Тема поисков бессмертия звучит в рассказе 10–1 и

продолжается в рассказе 10–4, где по велению государя первопроходец добирается до неба и встречает бессмертных.

Затем в четырёх рассказах говорится о жёнах и наложницах китайских государей: женщин во дворце много, правитель не всех их способен хотя бы запомнить в лицо, попытки их родни вмешиваться в государственные дела приводят к краху. Этим Китай опять-таки отличается от Японии, где фактическая власть принадлежит Фудзивара, родичам государей по женской линии (см. свиток 22-й).

Рассказы с 10–9 по 10–15 посвящены мудрецам, причём их примеры подтверждают буддийское учение о «пустоте»: Конфуций с его твёрдыми принципами отступает перед детьми, проигрывает в споре разбойнику, Чжуан-цзы на разных примерах тоже убеждается в относительности любых истин. Так же относительна воинская доблесть (10–16, 10–17), супружеская и дружеская верность, преданность службе (рассказы с 10–18 по 10–21); но когда человек по-дружески поступает с незнакомыми людьми, его ждёт награда (10–22). В этих рассказах обычные предметы оказываются залогами человеческой решимости и иногда обретают чудесные свойства. Заговорить и рассказать о себе может даже недуг, когда с ним имеет дело упорный врач (10–23). Таким образом, человек – «самое одухотворённое из живых существ», как учат китайские мудрецы, – наделяет своей силой и вещи вокруг себя. Далее следуют рассказы о любви родительской, супружеской и братской, способной преодолеть и границы между сословиями, и разницу между богатыми и бедными, и даже рубеж смерти (с 10–24 по 10–27).

Новая серия рассказов о государях описывает их встречи с чем-то чудесным и/или чудеса, которые творили сами правители (с 10–28 по 10–34). Общий вывод этих историй, вероятно, таков: если кто-то взошёл на престол, это ещё не значит, что он – самый достойный; в конечном счёте короля играет свита, добродетельные и мудрые подданные доказывают правоту правителя, или наоборот, посрамляют его. Рассказы 10–32 и 10–34 поддерживают тему «следствие ведёт государь» (ср. 5–3, 29–14).

Заключает свиток серия рассказов о мудрости и мастерстве обычных людей. Пусть их привычки и кажутся странными, навлекают насмешки, а порой и беду, эти люди остаются верны себе и в конечном итоге оказываются правы.

10–1. Рассказ о том, как циньский Ши-хуан правил миром из дворца Гянь-ян.

卷 10 第 1 話 秦始皇在咸陽宮政世語 第一

В стародавние времена в Китае при династии Цинь был государь по имени Ши-хуан. Он был мудр, хитроумен, сердцем отважен, правил миром – и не было в стране никого, кто бы не последовал за ним. А кто хоть в мелочах бывал ему не по сердцу, тем он рубил головы, отсекал руки и ноги. Потому все и склонялись перед ним, как трава под ветром.

Вначале он построил дворец Сянъ-ян, основал столицу. К востоку от столицы была застава, звалась она вратами Хань-гу. То место похоже на открытый ларец, вот и называется Хань-гу – Ларцевая долина. А к северу от столицы государь насыпал высокие холмы. Эти холмы отделяют Китай от страны варваров-хусцев. Холмами защищены проходы, откуда жители страны Ху приходят с войной. С китайской стороны похоже на обычные холмы, люди туда поднимаются и гуляют. А если подняться дальше, на самую вершину и посмотреть на варварскую сторону – там негде укрыться. Варварская сторона крутая, гладкая, похожа на крашеную стену. Люди там подняться не могут. Протяжённость холмов с востока на запад – тысячи *ри*, а высота – до облаков. Так высоко, что пролётные гуси не могут перелететь. Между холмами оставлены зазоры, чтобы только один гусь пролетел: так они те места и минуют. Гуси привыкли, и хоть небо просторно, летают друг за дружкой, гуськом.

[Опасаясь] варваров, государь повелел: мои дети и внуки чередою будут править, нельзя признавать [никого другого]! И ещё: всё, что было при прежних династиях, отменить, отбросить, я своё правление учреждаю заново! А ещё: книги прежних династий собрать и сжечь, я начну создавать книги заново и оставлю их будущим векам! Но нашлись ученики Кун-цзы, они свои лучшие книги спрятали в стене, замуровали и так сохранили.

А у Ши-хуана во дворце был любимый конь, звали его Цзо-цань. Статью этот конь ничуть не уступал дракону. Государь любил его, по утрам и по вечерам сам кормил, и однажды во сне увидел: будто бы он купает коня в море, а из моря явилась огромная рыба, что зовётся Гао-да, проглотила Цзо-цаня и ушла обратно под воду. Государь это увидел и проснулся, в сердце своём испугался безмерно. Как же рыба сумела проглотить коня, дорогого мне, любимого? – разгневался он и разослал по стране указ: в море есть рыба, что зовётся Гао-да, кто её застрелит, тому дам любую награду, какую пожелает! Жители страны тогда услышали указ, пошли к великому морю, сели на корабли, отплыли, вдали от берега стали высматривать рыбу Гао-да, издалека видели её, но подстрелить не смогли. Вернулись, доложили государю: мы обыскали всё великое море, видели рыбу Гао-да, но застрелить не смогли! Должно быть, это оттого, что царь драконов нам помешал!

Ши-хуан это услышал и сначала, чтобы себя обезопасить, вызвал человека по имени Фань Ши и повелел: скорее отправляйся на остров Пэнлай, принеси оттуда снадобье, что зовётся снадобьем бессмертия. До сих пор Пэнлая никто не видел, но издревле и доныне о нём рассказывают. Немедля отправляйся! Фань Ши, получив такой приказ,

тотчас отправился на Пэнлай. Государь ждал его возвращения, через несколько месяцев Фань Ши вернулся и говорит государю:

– Добраться до Пэнлая легко, но в море водится огромная рыба Гао-да. Я испугался её и не смог побывать на Пэнлае.

Ши-хуан это услышал и молвил:

– Эта рыба Гао-да повадилась мне всячески вредить! Так что всё-таки надо застрелить её!

Так он повелел, но стрелять рыбу в этот раз никто не пошёл. Тогда Ши-хуан молвил:

– Я сам сейчас же отправлюсь к морю, найду рыбу Гао-да и застрелю её!

И тотчас [пустился в путь?], прибыл на место, сам взошёл на корабль, далеко в море [?] выследил ту рыбу. Тут Ши-хуан обрадовался, выстрелил, попал – и рыба сразу издохла.

Ши-хуан довольный двинулся восвояси, но Небо покарало его, и возле места, что зовётся [?], он тяжко занемог. Тогда Ши-хуан призвал к себе сына, Эр-ши, а с ним ministra Чжао Гао, и тайно сказал им:

– Я внезапно тяжко занемог. Я непременно умру. После моей смерти разве хоть один из министров и чиновников сопроводит меня в царскую столицу? Здесь же все меня бросят, разбегутся. Когда я умру, никому не сообщайте, что я умер здесь, везите в столицу на колеснице, будто я жив, а там устройте похороны. Ибо позорно будет, если в пути министры и чиновники покинут меня. Ни в коем случае не нарушайте моего приказа!

Договорил и тотчас умер. Потом, следуя его последнему наказу, эти двое повезли Ши-хуана, словно живого, во дворец, если нужно было что-то решить, вместе отдавали приказы будто от его имени.

А дело было летом, шли дни, из колесницы стало страшно смердеть. Тогда Эр-ши и Чжао Гао посоветовались и вот что придумали: велели доставить побольше сущеной рыбы, что зовётся фан-юй, нагрузили ею повозки и поставили впереди и позади государевой колесницы. Рыба эта воняет, как никакая другая. И вот, запах рыбы смешался со смрадом от колесницы, и никто ничего не узнал.

Когда Ши-хуан был жив, он всегда отдавал примерно такие [странные] приказы, люди не удивлялись, ничего не подозревали. Прошли дни, тело довезли до столицы и устроили похороны. Только тогда люди всё узнали.

Потом Эр-ши взошёл на престол, стал решать все дела вместе с ministром Чжао Гао.

И вот, новый государь думает: мой отец Ши-хуан правил страной, как хотел, делал всё, что на ум придёт. И я тоже буду, как отец! И стал править, не советуясь с Чжао Гао. А тот решил: хотя государь и сын Ши-хуана, но на престоле еще недавно. Сам ещё молод, а уже так себя ведёт. Что же будет, когда он просидит на престоле много лет! Совсем перестанет со мною ладить! И тотчас возник у него коварный замысел.

Чжао Гао не знал, что на сердце у людей того века, и потому очень тревожился. Решил: проверю, каковы их сердца! Привёл к государю оленя и говорит: вот какой конь! Государь смотрит и молвил: это животное зовётся оленем, это не конь. Чжао Гао говорит: да нет же, это

конь! Прикажите спросить у людей! Тогда государь стал спрашивать у людей, все, кто видел, говорили: это не олень, это конь. Тогда Чжао Гао понял: ага, все эти люди – на моей стороне! Если подыму мятеж, они меня не остановят. И задумал тайно снарядить большое войско, выждать время, выбрать случай, ворваться во дворец и убить государя.

Государь прослышал о том, думает: хоть я и государь, но как правитель пока слаб, сил не хватает. А Чжао Гао, хотя и подданный, много лет склонял всех на свою сторону, его силы огромны. Так что сбегу! Тайно вышел из города, укрылся по дворцу Ван-и.

Тогда Чжао Гао привёл войско и окружил дворец Ван-и, взял в осаду. Государевы воины защищались, но силы были неравны, отбиться трудно. Войска министра наседают всё крепче. Тут уж государю ничего не оставалось, он взмолился: о министр, пощади мою жизнь! Я больше не стану вмешиваться в дела правления, не буду государем, а буду служить тебе, как подданный! Но Чжао Гао не соглашался, а лишь сильнее теснил его. Государь тогда снова взмолился: раз так, сделай меня правителем небольшого удела, отошли в дальние края, только пощади мою жизнь! Чжао Гао снова не соглашается, продолжает осаду. Государь опять просит: раз так, просто выгони меня, как ничтожного простолюдина, я не стану искать никакой власти, только оставь меня в живых! Так он снова и снова просил отпустить его, но министр держал осаду и в итоге убил Эр-ши.

После этого Чжао Гао отвёл войска, вернулся в столицу. А потом на престолозвели Цзы-ина, внука Ши-хуана. Цзы-ин в сердце своём думал: хоть я и взошёл на престол, радуюсь, что стану править страной, но дядя мой Эр-ши, хоть и был государем, убит министром Чжао Гао, долго страну не удержал. Со мной случится то же самое. Если мы с министром хоть немного рассоримся, он меня убьёт, сомнений нет! Тайно устроил заговор и убил Чжао Гао.

Потом он без опаски стал править страной, но видя, что Цзы-ин слаб, что людей на его стороне немного, явился человек по имени Сян Юй и убил Цзы-ина. И вскоре разрушил дворец Сянъян, сжёг палаты Цинь, те, что [построил] Ши-хуан. Горел тот дворец три месяца, всё не гас.

Цзы-ин пробыл на престоле сорок шесть дней. А потом династия Цинь погибла. Так передают этот рассказ.

Рассказ основан на «Ши-цзи» (гл. 6), похожие эпизоды есть в «Хэйкэ-моногатари» (5), «Тайхэйки» (26), «Сангоку дэнки» (1–23) и др.

Цинь Ши Хуан-ди 秦始皇帝 (259–210 до н.э.), основатель династии Цинь, правил в 246–210 гг. до н.э. Сянъян 咸陽 – его дворец на реке Вэй, так же называется и столица Цинь. Под насыпными «холмами», что отделяют Китай от северных варварских земель, имеется в виду Великая китайская стена, которую начал строить Цинь Ши-хуан. Страной Ху 胡国 в китайских и японских текстах называют земли сюнну и других кочевников к северу от Китая, ср. рассказы 10–5, 9–36, 31–11.

О Кун-цзы, он же Конфуций, см. рассказы 10–9 и далее.

Имя коня Цзо-цань пишется 左驥, имя рыбы Гао-да – 高大. Пэнлай 蓬萊 – остров бессмертных. Фань Ши 方士 может читаться и как имя нарицательное для даосского кудесника, ср. 10–7.

После Цинь Ши-хуана правили его сын 二世 Эр-ши (в 209–207 гг. до н.э.) и внук Цзы-ин 子嬰 (в 207 г. до н.э.); на деле от их имени пытались править советники, в том числе евнух Чжао Гао 趙高 (ум. 207). Всё это время против власти Цинь шли восстания, самым сильным из военачальников-мятежников был Сян Юй 項羽 (232–202 до н.э.).

10–2. Рассказ о том, как жил ханьский Гао-цзу до того, как стал государем

卷 10 第 2 話 漢高祖未在帝王時語 第二

В стародавние времена в Китае жил человек по имени Хань Гао-цзу. Мать его по рождению была простолюдинкой, а отцом был царь драконов.

Однажды в юности мать Гао-цзу шла по дороге, проходила по дамбе над прудом – и вдруг ударила молния, грянул гром, сделалось темно, как ночью. Девушка испугалась, легла ничком на дамбу, и тут гром сошёл на неё и овладел ею. Она забеременела и родила сына. А потом родила ещё дочку.

Мальчик с годами подрос, набрался сил. Как-то раз мать его вышла в поле сажать рис – а мимо проходил один стариk. Он поглядел на женщину в поле и сказал:

– На лице твоём знаки особой судьбы, ты непременно станешь матерью страны!

Женщина отвечает:

– Нет у меня никаких таких знаков! Я бедная простолюдинка. Как же я стану матерью страны?

Тут подошли её дети, сын и дочка. Стариk и на них поглядел. Говорит:

– Из-за этих двоих детей тебе суждено стать матерью страны. Сын твой непременно будет государем. А дочь – государыней!

Сказал и исчез. Сын – это и есть ханьский Гао-цзу. А дочь – государыня [?].

Меж тем, Гао-цзу слышал, что сказал стариk, и поверил в его предсказание, в сердце своём задумал стать государем. Никто на свете его не знал, он поселился в тайном убежище на горе Мандан.

В пору правления циньского Ши-хуана над горою Мандан всегда стояли пятицветные облака. Ши-хуан это увидел, испугался, думает: я – первый человек в Поднебесной, я правлю миром! Что за человек поселился на той горе, почему она всегда окутана пятицветными облаками? Так он заподозрил неладное и послал людей, велел: идите на гору Мандан, что всегда окутана пятицветными облаками, обыщите её, и если найдёте человека – убейте его! По государеву приказу люди пошли, несколько раз обшарили гору, но Гао-цзу от них скрылся, его не убили.

На горе Мандан над тем деревом, под которым скрывался Гао-цзу, всегда являлся пятицветный дракон. Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Хань-шу» (гл. 1)

Гао-цзу, он же Лю Бан 劉邦 (256/247–195 до н.э.) – основатель династии Хань, правил в 202–195 гг. до н.э.

10-3. Рассказ о том, как Гао-цзу победил Сян Юя и стал первым государем династии Хань

卷 10 第 3 話 高祖罰項羽始漢代為帝王語 第三

В стародавние времена в Китае жил человек, именуемый ханьским Гао-цзу. Когда погибла династия Цинь, он захватил дворец Сянь-ян и поселился там. А ещё в ту пору жил человек по имени Сян Юй. Он был из государева рода и думал: я непременно взойду на престол! И вот, прослышал, что Гао-цзу занял дворец Сянь-ян, и испугался безмерно.

В ту пору кто-то сказал Сян Юю:

– Гао-цзу уже захватил дворец Сянь-ян, собирается стать государем. Сделаю, дескать, [vas всех?] своими подданными! Что ты теперь будешь делать?

Сян Юй это услышал и в великом гневе говорит:

– Это я должен взойти на престол! Почему Гао-цзу в обход меня пытается возвыситься, стать государем? Раз так, пойду ко дворцу Сянь-ян, покараю Гао-цзу!

Так от решил и тотчас выступил.

Сян Юй изначально сердцем имел отважное, в искусстве стрельбы превосходил Гао-цзу, войско собрал в четыреста тысяч. А на стороне Гао-цзу было сто тысяч воинов.

Сян Юй поднял войско, собрался уже выступать – а у него был родич по имени Сян Бо. Хоть и состоял в родстве с Сян Юем, он много лет следовал за ним как свитский. Сердцем отважный, на воинском пути превосходный, никто с ним не сравнился бы. А у Гао-цзу первым из свитских был человек по имени Чжан Лян. Он с Сян Бо многие годы дружил, ни в чём с ним не расходился.

Они друг другу открывали все свои помыслы, и когда Сян Юй в гневе собрался в поход на дворец Сянь-ян против Гао-цзу, Сян Бо, глядя на это, подумал: Гао-цзу непременно будет разбит. Но если он потерпит поражение, то и друг мой Чжан Лян не уцелеет. Нестерпимо думать о таком! И Сян Бо тайно отправился к Чжан Ляну, сказал ему:

– Знаешь ли? Сян Юй, чтобы ударить по Гао-цзу, поднял войско, выступает на Сянь-ян. Сердцем Сян Юй отважен, в этом он превосходит всех. И число воинов неравное. Так что нет сомнений, он разобьёт Гао-цзу. А когда он разобьёт Гао-цзу, то и ты в живых не останешься. Мы с тобой дружим много лет, но теперь навсегда разлучимся. Так не бывать же такому! Уходи от Гао-цзу!

Чжан Лян его выслушал и отвечает:

– Совет твой вполне хорош. Мы с тобой дружим много лет, и я бы [?] послушался твоих слов, но я многие годы следовал за Гао-цзу, помыслами [ни в чём] с ним не расхожусь, так прошли месяцы и годы. Если теперь, когда он может лишиться жизни и надеется на меня, я его покину, это значит – я забуду о долгे благодарности. Немыслимое дело! Так что пусть я погибну, но Гао-цзу не брошу.

Сян бо это выслушал и вернулся к себе.

Потом Чжан Лян говорит Гао-цзу:

– Сян Юй собирается напасть на тебя, как я слышал, он поднял войско, движется сюда. На воинском пути он превосходит других. К тому

же у него четыреста тысяч воинов. А на твоей стороне – сто тысяч. В бою ты непременно будешь разбит. Так что не лучше ли тебе подчиниться Сян Юю? Хотя бы спасёшь свою жизнь.

Гао-цзу, слыша такое, встревожился, последовал совету Чжан Ляна, отправил к Сян Юю гонца со словами: не полагайся на чужие речи, не затевай злого дела! Я вовсе не помышляю о престоле. Просто после Цзы Иня династия Цинь пала, настала смута, и я, чтобы покончить с ней, занял дворец Сянь-ян, жду, когда ты прибудешь и взойдёшь на престол. Прошу, не верь людским речам, они неверны! Хоть и сижу здесь во дворце, я ещё не пустил в дело ни государеву печать, ни казённые запасы!

Выслушав это, Сян Юй сказал:

– Слова Гао-цзу я слышал, но с глазу на глаз с ним не беседовал. Встретимся у Хун-мэнь, Гусиных ворот, там и поговорим!

Назначил день и отоспал гонца обратно.

И вот, день настал, Гао-цзу с небольшой свитой прибыл к воротам Хун-мэнь. А Сян Юй явился со свитой в тысячу колесниц и десять тысяч всадников. Среди них был и Сян Бо как первый свитский. Он всячески убеждал Сян Юя ничего в этот день не предпринимать. А всё потому, что был давним другом Чжан Ляна.

Итак, встретились они у ворот Хун-мэнь. А Хун-мэнь – это большие ворота. Поставили большой шатёр, в нём сначала уселись Сян Юй, Сян Бо и те, кто с ними, – лицом к востоку. Сбоку от них сел лицом к югу другой свитский Сян Юя, Фань Цзэн. Фань Цзэн был стар годами, превосходный воин. А перед ним, лицом к северу, сел Гао-цзу. Свитский же Гао-цзу, Чжан Лян, уселялся поодаль лицом к западу.

И вот, начались переговоры. Гао-цзу сам [вошел в шатёр, а людей оставил] под воротами: все ждут, сердца замерли, нутро застыло. [Фань Цзэн] думает: сегодня непременно нужно убить Гао-цзу. Если не убьём его сегодня, потом очень пожалеем! Тайком подозвал Сян Чжуана, родича и свитского Сян Юя, и говорит ему:

– Гао-цзу сегодня непременно надо убить. Какую бы нам подстроить хитрость?

Посоветовался с ним и решил так:

– Мы вдруг встанем с мест, где сидим, и пойдём танцевать. Ты, Сян Чжуан, во время танца выхватишь меч, станешь им размахивать, и, проходя мимо места, где сидит Гао-цзу, взмахнёшь мечом и снесёшь Гао-цу голову!

Такую хитрость они задумали. И вот, пошли танцевать. Тогда Сян Бо, видя их настрой и жалея Чжан Ляна, тотчас встал и тоже пустился в пляс, заслонил собой Гао-цзу, не дал его ударить. Тут Гао-цзу понял, в чём дело, но не подал виду и подался назад, будто уходит.

Потом Гао-цзу хотел было вернуться, чтобы попрощаться, но его свитский Фань Хуэй силой удержал его, не дал вернуться и вместе с ним вышел. Меж тем, Чжан Лян сказал: вот прощальные подарки от моего господина! И отправил Сян Юю нитку белой яшмы, а Фань Цзэну яшмовый кубок. Фань Цзэн кубка не принял, а бросил и разбил. А Фань Хуэй, хоть и человек, похож был на демона. За один раз съел целый кабаний окорок, в один глоток выпил мерку вина.

Потом Сян Юй вернулся восьмьми. А затем прислал гонца к Гао-цзу. Тот велел приготовить и подать лучшие кушанья, чтобы угостить гонца, но узнав, что посланец – от Сян Юя, распорядился эти кушанья убрать, а выставить простую еду. Сказал: я-то думал, это гонец от Фань Цзэна, вот и велел приготовить лучшие яства, а раз гонец от Сян Юя, его ими потчевать не стану! Посланец вернулся, рассказал всё это Сян Юю. Тот услышал и в великом гневе сказал: значит, Фань Цзэн поладил с Гао-цзу! А я о том не знал! Фань Цзэн говорит: мой господин человек неумный. Так я и думал! – и ушёл от Сян Юя.

А Сян Юй просыпал, что Чжан Лян и Сян Бо дружат, спросил у Сян Бо: почему ты, мой родич, подружился с Чжан Ляном? Сян Бо ответил:

– Давно, ешё во времена Ши-хуана, когда мы с Чжан Ляном служили вместе, я убил человека. Чжан Лян знает о том, но до сих пор никому не говорит. Вот в чём причина. Такой долг благодарности трудно забыть!

Тем временем Гао-цзу укрылся во дворце Сянь-ян, снаряжал [войско], готовился напасть на Сян Юя. Держал совет с Чжан Ляном, Фань Хуэем, Чэн Пином 陳平 и в итоге выступил. На пути им встретилась белая змея. Гао-цзу её увидел и тотчас зарубил. Тут явилась старуха, увидела, как он убивает белую змею, заплакала и сказала:

– Сын белого дракона убит сыном красного дракона!

Кто слышал это, все поняли: Гао-цзу – сын красного дракона [?]

Рассказ восходит к «Ши-цзи» (гл. 7) и к «Хань-шу» (гл. 1); продолжение рассказа не сохранилось.

Сян Бо 項伯 (ум. 192 до н.э.) доводился Сян Юю дядей, а Сян Чжуан 項莊 (даты жизни неизвестны) двоюродным братом. Чжан Лян 張良 (262–182 до н.э.), как и Фань Цзэн 范增 (278–204 до н.э.), считаются выдающимися стратегами Китая. Фань Хуэй 樊噲 (242–189 до н.э.) и Чэн Пин 陳平 (ум. 178) – друзья Гао-цзу, военачальники в его войске. «Мерка вина» здесь – *то*: кит. *доу*, 18 л. Пир у ворот Хун-мэнъ 鴻門の会, яп. Ко:мон-но кай, состоялся в 206 г. до н.э.

10–4. Рассказ о том, как ханьский У-ди велел Чжан Цяню найти верховья Небесной реки

卷 10 第 4 話 漢武帝以張騫令見天河水上語 第四

В стародавние времена при ханьском государе У-ди жил человек по имени Чжан Цянь.

Государь его вызвал к себе и велел: найди мне верховья Небесной реки! Получив приказ, Чжан Цянь сел на плавучее дерево и поплыл искать верховья реки, далеко заплыл, попал в некое место. Глядь, а там всё незнакомое, жители не похожи на обычных людей, стоит множество ткацких станков, на них ткётся полотно. А ещё стоит неведомый старец с быком.

Чжан Цянь спрашивает: что это за место? Ему отвечают:

– Это место зовётся Небесной рекой.

– А кто вы, здешние люди? – снова спрашивает Чжан Цянь.

- Мы Ткачиха и Пастух. А ты кто?
- Меня зовут Чжан Цянь. Я по государеву велению прибыл сюда, ища верховья Небесной реки.

Так он ответил, а те люди говорят:

- Это и есть Небесная река. Теперь возвращайся!

Чжан Цянь это услышал и двинулся в обратный путь.

Доложил государю:

- Я побывал у верховьев Небесной реки. Пришёл в некое место, а там на станке ткётся ткань, а звезда Пастух пасёт быка. Мне сказали, это и есть верховья Небесной реки, вот я и вернулся. Там всё выглядит необычно.

А пока Чжан Цянь ещё не вернулся, в седьмой день седьмого месяца к государю приходили звездочёты с докладом: сегодня возле Небесной реки появилась неведомая звезда! Государь выслушал и удивился. А теперь, когда Чжан Цянь вернулся и рассказал, где был, государь поверил: когда звездочёты сказали, что видели неизвестную звезду, – это они видели Чжан Цяня, пришедшего туда. Значит, он в самом деле нашёл то место!

Хоть Небесная Река и на небе, но там вдруг появился человек – а ведь люди на небо [в принципе, по своей природе] подняться не могут. Наверное, все-таки Чжан Цянь не был обычным человеком! Так в недоумении говорили люди и так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Хань-шу» (гл. 31), взят из «Тосиёри дзуйно:»; похожие эпизоды есть в «Хо:буцу-сю:», «Мо:гю:-вака» и др.

Ханьский государь У-ди 漢武帝 (156–87 до н.э.), правил в 141–87 гг. до н.э. Чжан Цянь 張騫 (ум. 114 до н.э.) – знаменитый дипломат и путешественник, исследовал земли к северо-западу и западу от Китая, в частности, докладывал государю о возможном торговом пути в Индию и тем самым положил начало Великому шёлковому пути.

«Небесной рекой» называется Млечный путь, Ткачиха и Пастух – звёзды Вега и Альтаир. Седьмого числа седьмого месяца отмечается праздник встречи этих двух звёзд, в Японии он называется Танабата.

10–5. Рассказ о том, как Ван-чжаоцзюнь, супруга ханьского государя Юань-ди, отправилась в страну варваров

卷 10 第 5 話 漢元帝后王熙君行胡国語 第五

В стародавние времена, при ханьском государе Юань-ди, во дворец созвали дочерей сановников и придворных – девиц, прекрасных и лицом, и статью. Государь поглядел на них и выбрал себе жён, все они поселились во дворце, было их четыреста или пятьсот. Потом оказалось – их слишком много, с некоторыми государь точно не нашёл бы времени видеться.

И вот однажды в столицу прибыли люди из страны Ху. Это варвары вроде наших эмисси. Государь, а за ним и сановники, и чиновники забеспокоились: что с ними делать? Ничего не придумали. Но один хитроумный сановник поразмыслил и говорит:

– То, что прибыли эти хусцы, для нашей страны очень нехорошо. А потому надо постараться их спровадить обратно. Во дворце понапрасну

живёт много женщина. Надо какую-нибудь из них, лицом похуже, пожаловать хусцам, тогда они точно обрадуются и уедут восвояси. Что может быть лучше?

Государь это выслушал и решил: быть посему! Хотел было сам посмотреть на своих ён и решить, которую отдать, но женщин много, он растерялся. И придумал вот что: созву живописцев, покажу им женщин, пусть нарисуют их, а я посмотрю, и которая хуже всех, ту отдам хусцам! Созвал живописцев, показал им женщин и велел: нарисуйте мне их! Живописцы стали рисовать, а женщины горевали и сетовали, что придётся стать добычей варваров, уехать в дальние неведомые края, каждая думает: лишь бы не меня, лишь бы не меня! И стали дарить живописцам – кто золото и серебро, кто другие ценные вещи. Живописцы расстарались, даже невзрачные лица изобразили прекрасными. И преподнесли картины государю. А среди женщин была одна, звали её Ван-чжаоцзюнь. Собою красавица, лучше всех женщин. Она понадеялась на свою красоту, никаких подарков живописцу не поднесла, – он и нарисовал её не такой, как есть, а безобразной. Представил картину, решено было: отдадим вот эту!

Государь удивился, вызвал Ван-чжаоцзюнь к себе, смотрит – а она будто светом лучится, воистину прекрасна! Словно яшма, а другие женщины перед ней – словно глина. Государь и тревожился, и печалился, что придётся отдать её варварам, но проходили дни, и так уж вышло, что варвары прослушали: нам отдадут Ван-чжаоцзюнь! Явились во дворец, завели о том речь, а ничего другого государь не придумал. И в итоге отдал Ван-чжаоцзюнь варварам, те её посадили на коня и увезли в страну Ху.

Ван-чжаоцзюнь горевала, плакала, да ничего не поделаешь. И государь жалел, тосковал о ней. Полный печали, пришёл в те покои, где она жила, глядит – а там весною ивы колышутся под ветром, камышевка грустно поёт, осенью листва с деревьев устилает сад, стрехи все поросли травой – великое запустение. И было ему так грустно, что и сказать нельзя, он всё больше тосковал и печалился.

А хусцы заполучили Ван-чжаоцзюнь, обрадовались, поехали, заиграли на лютнях весёлые напевы. Ван-чжаоцзюнь плакала, горевала, но слушала их игру – и немного успокоилась. И вот, её привезли в страну варваров и там почтили безмерно, как свою государыню. Но на сердце её, надо думать, не было особой радости.

А всё потому, то она понадеялась на свою красоту и не одарила живописца! – так люди той поры злословили о ней и так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к стихотворениям Ли Бо и Бо Цзюй-и, взят, видимо, из «Тосиёри дзуйно:». Печальная судьба Ван-чжаоцзюнь 王照君 упоминается в «Гэнзи-моногатари» и множестве других японских сочинений; похожие эпизоды есть в «Кара-моногатари» (25), «Хо:буцу-сю:», «Сога-моногатари» (2) и др.

Ханьский государь Юань-ди 元帝 (75–33 до н.э.) правил в 48–33 до н.э. «Хусцами» 胡, как и эмиси 夷, могут называться «варвары вообще», жители окраинных земель; ср. рассказы 10–1, 31–11. «Лютни» здесь – 琵琶, кит. pipa, яп. biva.

10–6. Рассказ о том, как понапрасну состарилась Шан-ян, супруга танского государя Сюань-цзуна

卷 10 第 6 話 唐玄宗后上陽人空老語 第六

В стародавние времена в Китае у танского государя Сюань-цзуна было много жён и наложниц, одних он любил, другие государя даже и не видели, но все жили во дворце.

И вот, государь просыпал, что дочь одного придворного несравненно прекрасна и лицом, и статью, воспыпал страстью и призвал её к себе. Родители её не пожалели и в [шестнадцать] лет девицу отправили к государю. Нарядили к переезду во дворец роскошно безмерно. А по обычаям той страны, если женщина стала государевой наложницей, её уже не выпускают из дворца. Отец и мать горевали и сетовали о разлуке с нею.

И вот девицу поселили во дворце, но не в тех покоях, где бывал государь, а в отдалении, жилище её звалось палатами Шан-ян 上陽. И с тех пор как она прибыла, почему-то государь её к себе не призывал, даже гонцов к ней не посыпал, она только и делала, что скучала у себя в палатах, всё думала – вот-вот! – но проходили месяцы и годы, прекрасный облик её постепенно померк, чудесная стать совсем изменилась. Родные с тех пор, как отправили её, думали: наша госпожа теперь во дворце, значит, и мы непременно попадём в милость к государю! – и разочарованию их не было конца.

А почему государь её призвал, а потом не вспоминал о ней? Другие наложницы строили козни, ведь она была несравненно прекрасна, и они уступали ей. К тому же страна обширна, государственных дел много, вот государь и забыл, а никто ему не напомнил. Люди в свете весьма удивлялись.

И вот, Шан-ян печалилась о том, что даже не увиделась с государем, прожила в дальних покоях много лет, шли годы и месяцы, и каждый раз, глядя на луну пятнадцатой ночи, она считала, сколько лет минуло. Весеннее солнце долго не меркнет, осенние ночи долго не кончаются... И вот, увядшее лицо её совсем лишилось благоухания, в ивовых волосах не осталось ни одной чёрной пряди. Тогда она стала стыдиться, старалась, чтобы никто посторонний её не видел.

В шестнадцать лет она прибыла во дворец, а теперь ей исполнилось уже шестьдесят. И тогда государь вспомнил: а ведь было дело! Досадовал безмерно. Вызвал её, говорил: как я мог ни разу не увидеться с нею! Но она устыдилась, так и не пришла. Вот какова была дама из палат Шан-ян. Кто знал, в чём дело, глядели и не могли понять: как же так вышло? Так передают этот рассказ.

Рассказ, вероятно, восходит к стихотворению Бо Цзюй-и «Госпожа из Шан-яна». Похожие рассказы есть в «Кара-моногатари» (24), «Хо:буцу-сю:» и др.

Танский государь Сюань-цзун 唐玄宗 (685–762) правил в 712–756 гг. В Японии жёны и наложницы государей уезжали из дворца на время родов, в пору траура по родным, а порой и по другим поводам.

10–7. Рассказ о том, как Ян-гуйфэй, супругу танского государя Сюань-цзуна, убили из-за государевой любви к ней

卷 10 第 7 話 唐玄宗后楊貴妃依皇寵被殺語 第七

В стародавние времена в Китае во времена династии Тан был государь Сюань-цзун. По природе своей он изначально был сладострастник, любил женщин, тем и заняты были его помыслы.

Были у него особенно любимые супруга и наложница. Супругу звали государыней [?], наложницу – У-шофэй. Государь с ними с утра до вечера проводил время в ласках, но обе – и супруга, и наложница – умерли одна за другой. Император безмерно горевал, тосковал, но что поделаешь! Желал он теперь одного: увидеть женщину, похожую на тех, умерших. Отрядил людей на поиски, ждал, себя не помня, вышел из дворца и пустился в путь. Искал повсюду, и вот, прибыл в место, что зовётся Хуннун.

А там было имение Ян. В имении жил стариk, звали его Ян Сюань-ань. Государь отправил людей в поместье посмотреть, кто там живёт, а у старика была дочь. Лицом прекрасна, статью чудесна, на свете другой такой нет. Словно бы светится, сияет! Посланцы её увидели, доложили государю, тот обрадовался, велел: доставьте её ко мне! Посланцы девицу доставили, государь поглядел на неё – а она ещё красивее, чем прежние его супруга и наложница!

Тогда государь на радостях усадил её в носилки и вернулся с нею во дворец. Среди трёх тысяч наложниц она – лучше всех, звать её стали Ян-гуйфэй. И вот, ничего другого не делая, государь ночи и дни тешился с нею, о том, что должен править миром, даже не думал. Весною они вдвоём любовались цветами, летом – сидели рядом у прохладного ручья, осенью неразлучно глядели на луну, зимою – вместе смотрели на снег.

Так государь на дела времени не находил, а правление доверил старшему брату этой наложницы, человеку по имени Ян Го-чжун. Из-за этого в свете очень печалились. И потому люди той поры, толкуя между собой, сетовали: в наш век сыновей заводить ни к чему, надобно заводить дочерей!

Так в свете роптали, а главным министром в ту пору был человек по имени Ань Лу-шань. Сердцем твёрдый, рассудительный, он скорбел, что из-за любви к женщине государь теряет власть, думал: что ж, уничтожу эту женщину и исправлю мир! Ань Лу-шань тайно собрал войска, ворвался во дворец, государь испугался, устрашился и вместе с Ян-гуйфэй бежал из дворца. Ян Го-чжун бежал с ними вместе, но при государстве состоял человек по имени Чэн Сюань-ли, он убил Ян Го-чжуна.

Потом Чэн Сюань-ли, с клинком у пояса, встал на колени перед государевыми носилками, поклонился императору и говорит:

– Из-за благоволения к Ян-гуйфэй вы позабыли дела правления, и оттого дела в свете идут так [плохо?] – куда уж хуже! Прошу, отдайте мне наложницу Ян, [спасите?] Поднебесную!

Император в сердце своём глубоко страдал, любил её больше всего на свете – и не отдал.

Тогда Ян-гуйфэй сбежала, укрылась в храме, спряталась было в сиянии будд – но Чэн Сюань-ли её нашёл, схватил, затянул на шее шёлковым шнурок и задушил. Государь видел это, нутро его

переворачивалось, сердце металось, слёзы лились подобно дождю. Глядя на такое, как он мог удержаться от скорби? И всё же это было справедливо, он и не думал возражать.

Стало быть, Ань Лу-шань изгнал императора, остался во дворце, стал править миром – но вскоре умер. Тогда Сюань-цзун возвёл на престол своего сына, сам же стал величаться государем-отцом, но того, что случилось, не забыл. Горевал, страдал, весною не замечал, как опадают цветы, осенью не видел, как облетают деревья, листва устилала весь сад, но никто ее не убирал.

Шли дни, скорбь его всё росла, а меж тем прошёл слух, что некий кудесник побывал на острове Пэнлай. Этот человек явился к Сюань-цзуну и сказал ему:

– Я стану государевым посланцем, найду, где теперь наложница Ян!

Государь это услышал и в великой радости молвил:

– Да! Найди, где Ян-гуйфэй, и сообщи мне!

Кудесник, получив приказ, обыскал всё: поднимался на небо, спускался в донную страну, страну корней, но нигде не нашёл её.

И вот, кто-то сказал:

– В море на востоке есть остров Пэнлай. На нём – большой дворец. В том дворце есть место, что зовётся Палатами драгоценной наложницы. Вот там теперь Ян-гуйфэй!

Кудесник, услышав это, прибыл на Пэнлай. В тот час солнце постепенно садилось за деревья, море делалось всё темнее. Двери, убранные цветами, все закрыты, людских голосов не слышно. Тогда кудесник постучался в двери, вышла служанка в синей одежде, с волосами в два узла, и говорит:

– Откуда ты пришёл?

Кудесник отвечает:

– Я посланец танского государя. Мне нужно поговорить с наложницей Ян, за этим я и прибыл издалека.

Служанка ему:

– Драгоценная наложница только что уснула. Подожди немнogo.

Тогда кудесник сел, [сложив?] руки.

И вот, начало светать, драгоценной наложнице доложили, что пришёл даос, и она призвала его к себе. Молвят:

– Здоров ли государь? И как дела в стране с четырнадцатого года Тянь-бао [755 г.] до нынешнего дня?

Кудесник ответил ей на эти вопросы.

– Возьми вот это, – молвят она. – Скажи государю: «Вот [заколка], смотрите на нее и вспоминайте меня!»

Кудесник говорит:

– Драгоценных заколок на свете немало. Если принесу эту, мой господин не поверит мне. Но, наверное, в прошлом государь и вы, госпожа, о чём-то говорили наедине, а другие о том не знали. Скажите мне что-нибудь из этого!

Тут драгоценная наложница ненадолго задумалась и молвила:

– Однажды в седьмую ночь седьмого месяца мы с государем вместе глядели на звезду Ткачиху, и государь, стоя рядом со мной, сказал:

«Клятва Ткачихи и Пастуха трогает сердце! Я тоже хотел бы так! Если бы мы с тобой очутились на небе, то пусть бы стали птицами с одною парой крыльев на двоих! Если жили бы на земле – пусть бы стали раздвоенной веткой дерева! Сроки небесные долги, сроки земные длинны, но и они окончатся. А эта печаль будет длиться и длиться, никогда не иссякнет». Так он сказал.

Кудесник выслушал её слова, вернулся, передал их государю, и император стал горевать ещё больше, никогда не переставал тосковать, и в скором времени скончался.

Туда, где была убита Ян-гуйфэй, император, полный тоски, приходил, смотрел – а в полях под ветром клонились травы. Каково было на сердце у государя! Потому, должно быть, и рассказывают о том, как он горевал.

На самом деле Ань Лу-шань, хоть и убивал, хотел порядка в мире, и император был согласен, не досадовал. Вот ведь, в старину и государи, и министры понимали путеводные основы! – так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к стихотворению Бо Цзюй-и «Вечная печаль», вероятно, не напрямую, а через *«Тосиёри дзуйно:»*. Похожие рассказы есть в *«Кара-моногатари»* (18), *«Тю:ко:сэн»* (1–101) и др.; отсылки к истории Ян-гуйфэй есть в *«Гэндзи моногатари»*, *«Тайхэйки»*, *«Сога моногатари»* (2) и др. Разбор разных версий этой истории см.: [Торопыгина 2021].

Имя супруги Сюань-цзуна – Юань Сянь 元獻; наложницы названы по прозваниям и придворным должностям: У-шуфэй 武淑妃 («добродетельная наложница У»), Ян-гуйфэй 楊貴妃 («ценимая наложница Ян»). Имя наложницы Ян – Юйхуань 玉環, годы жизни – 719–756. Отца ее зовут Ян Сюань-ань 楊玄琰, брата – Ян Го-чжун 楊國忠 (ум. 756). Ань Лу-шань 安祿山 (703–757) – военачальник родом из Согдианы на службе у танских императоров; восстание, поднятое им, стало одним из самых кровопролитных в истории Китая. Чэн Сюань-ли 陳玄礼 (ум. после 760 г.) – один из военачальников императорского войска. Возведя на престол сына (императора Су-цзуна), Сюань-цзан получает титул «государя-отца» 太政天皇, яп. Дайдзё:-тэнно:, как бы совмещающий в себе японские термины *Тэнно:* и *Дайдзё:-дайдзин* (Главный министр).

«Кудесник» здесь – 方士, хо:си, кит. *фан-ши*, ср. рассказ 10–1, где Фан Ши – имя собственное, его носит чародей, владеющий «искусством бессмертных»; об острове Пэнлай см. тот же рассказ 10–1. Если считать, что стать «бессмертным» возможно, то один и тот же кудесник вполне мог бы иметь дело и с Цинь Ши-хуаном в III в. до н.э., и с Сюань-цзуном в VIII в. н.э. «Донная страна, страна корней» 底根の国, *соко-цу нэ-но куни*, в японских преданиях о богах *ками* и в обрядовых текстах – мир мёртвых по той версии космографии, где обиталища богов, людей и умерших представляются как верхний, срединный и нижний миры (ср. рассказ 11–23). О Ткачихе и Пастухе см. рассказ 10–4.

Торопыгина М.В. История Ян-гуйфэй в японских текстах XII века: *«Тосиёри дзуйно:»*, *«Кондзяку моногатари сю:»*, *«Кара моногатари»* // История и культура Японии 2 (13). М.: ВШЭ, 2021. С. 17–31.

10–8. Рассказ о том, как в Китае У Чжао-сюо увидел стихи на бегущей воде и влюбился в ту, что их сочинила

卷 10 第 8 話 震且吳招孝見流詩恋其主語 第八

В стародавние времена в Китае при династии [?] жил человек по имени У Чжао-сюо. Сердцем он был рассудителен.

Когда был молод, он однажды гулял по берегу речки, что вытекала из дворца, смотрел, как вода несёт опавшие листья, выловил один красный лист хурмы, глядь – а на нём написаны стихи. Чжао-сюо смотрит – а почерк женский. Кто же та, что их сочинила? – задумался он, и хотя не знал её, вообразил, какая она чувствительная, изящная дама, влюбился безмерно.

В итоге он, влюблённый, не придумал, что делать, сочинил ответные стихи, записал на листе хурмы, прошёл вдоль той речки выше по течению и бросил лист в воду, и течение его понесло во дворец. А Чжао-сюо, томясь от любви, всякий раз доставал то стихотворение на листе хурмы, читал и плакал.

Так прошли годы. А во дворце взаперти понапрасну [старились?] много наложниц. Государь с ними не виделся, повелел: они здесь впустую проводят годы, дожидаясь [моей милости]. Их очень жалко! Лучше я некоторых из них отшлю обратно к родителям, пусть выйдут замуж! И отослал нескольких наложниц по домам.

Среди них была одна наложница, собою красавица. Она вернулась домой, и её родители решили принять в зятья Чжао-сюо, выдать дочку за него. Но Чжао-сюо любил лишь ту сочинительницу стихов, что писала на листе хурмы, не знал, кто она, но о встречах с другими женщинами даже не помышлял. А тут его родители настояли, и он противу сердца женился, стал зятем той семьи. Муж видел, как томится его жена и мучился от этой тоски, но потом стал забывать ту, что написала стихи на листе хурмы. И тогда жена сказала ему:

– Кто та, о которой ты вспоминал с таким сильным чувством? Не таись от меня, расскажи!

Чжао-сюо отвечает:

– Как-то раз я гулял за дворцовой стеной у берега речки, по воде плыли опавшие листья, я взял один и вижу – это красный лист хурмы, а на нём женским почерком написаны стихи. Я их прочёл, а потом стал думать: вот бы встретиться с той, чьей рукой они написаны! Но не знал, кто она, и разузнать не мог, встретиться с нею было нельзя – и до сих пор я не забыл ей. Но с тех пор, как сблизился с тобою, утешился, сам того не ожидая.

Жена выслушала его и говорит:

– А какие были стихи? И сочинил ли ты ответ?

Чжао-сюо отвечает:

– Вот какие. Я решил, их сложила дама из дворца, а потому пошёл выше по реке, сложил ответ и бросил в воду, думал – вдруг попадётся ей на глаза?

Так он ответил, а жена, слушая его, залилась слезами, поняла, что клятва любви – нешуточное дело! Говорит мужу:

– Те стихи сочинила я. И ответ я потом нашла, он до сих пор у меня.

Достала листок, муж глядит – это его почерк. И он тоже понял, что не мелка клятва между ними, заплакал, и любовь их стала ещё крепче.

Жена говорит:

– Вот как я сложила те стихи. Я по государеву велению прибыла во дворец, но государя не видела, понапрасну проводила дни и месяцы, тосковала, и, гуляя у реки, сочинила стихотворение, записала на листе хурмы и бросила в воду. А потом снова пошла на берег, вижу – листок застрял между камней. Достала его, глядь – а это тоже лист хурмы и на нём стихи. Я подумала: неужто кто-то прочёл мои строки и сложил ответ? Я оставила лист у себя...

Муж слушал её и едва мог выдержать – так был тронут.

Стало быть, клятва между супругами наследуется из прежних жизней, вот они и полюбили друг друга. Так передают этот рассказ.

Рассказ взят из «Тосиёри дзуйно:».

Хурма 柃, каки, имеет гладкие вытянутые листья, как раз подходящие для записи нескольких стихотворных строк.

10–9. Рассказ о том, как Кун-цзы расспрашивал встречных детей на дороге

卷 10 第 9 話 臣下孔子道行值童子問申語 第九

В стародавние времена в Китае при династии Чжоу жил человек по имени Лу Кун-цю. Отца его звали Шу Лян, а мать была из рода Янь. Этого Кун-цю в свете звали Кун-цзы. Рост его девять сяку и шесть сун [290 см], сердцем мудр, разуменье глубоко.

В юные годы он следовал за Лао-цзы, изучал словесность, не было такого, чего бы не уразумел. Он стал взрослым, дарования его были обширны, учеников было много. Служа целям общим, он исправлял государственные дела, а в частной жизни учил людей. И ни в чём не плошал. Поэтому жители всей страны перед ним склоняли головы, чтили его безмерно.

Однажды Кун-цзы на колеснице ехал по дороге, а на пути у него играло трое детей лет семи-восьми. Один мальчик не играл с другими, а посреди дороги строил крепость из глины. Тут Кун-цзы к ним подъехал и говорит:

– Эй, вы, отойдите с дороги, дайте проехать моей колеснице!

А мальчик ему:

– Неслыханное дело, чтобы крепость отступала перед колесницей!

Наоборот, говорят, колесницы отступают перед крепостями!

Тогда Кун-цзы подался назад и объехал крепость.

Кун-цзы спрашивает у мальчика:

– Как твоё прозванье и имя?

Мальчик отвечает:

– Прозванье Чан, мне восемь лет, так что имени нет.

Кун-цзы говорит

– Ну, знаешь ли! Разве бывают деревья без побегов? Быки без рогов? Кони без копыт? Мужи без жён? Жёны без мужей? Горы без камней? Воды без рыб? Разве бывают люди без имён?

Мальчик в ответ:

– У сухого дерева нет побегов. У глиняного быка нет рогов. У деревянного коня нет копыт. У бессмертных отшельников нет жён, у яшмовых дев нет мужей. На лесистых горах нет камней, в колодезной воде нет рыбы. В пустых крепостях нет людей, а у малых детей нет имён!

Кун-цзы услышал и подумал: этот мальчик – не обычный человек! И поехал дальше.

И снова на дороге встретил двоих детей примерно семи или восьми лет. Один мальчик говорит другому:

– Когда солнце только восходит, оно к нам ближе, а в середине дня – дальше.

– Когда солнце восходит, – говорит другой, – оно дальше, а в середине дня ближе.

Первый возражает:

– Когда солнце восходит, оно жарче, обжигает, как кипяток, а в середине дня прохладнее.

Второй на это:

– На восходе солнце прохладнее, а в середине дня обжигает, как кипяток. Разве может так быть, если в начале дня солнце ближе, а в середине дня дальше?

Так они спорили меж собой, спросили у Кун-цзы – но он не смог рассудить, кто прав.

Тогда дети засмеялись и говорят:

– У Кун-цзы разумение глубоко. Мы знаем: нет такого, чего бы он не знал. А он, оказывается, весьма недалёк!

Кун-цзы это услышал и был тронут: это не обычные дети! Так он их восхвалял. В старину даже дети бывали так мудры.

А ещё как-то раз Кун-цзы ехал вместе с учениками, а у дороги из-за забора высунулась лошадиная голова. Кун-цзы молвил: вон виднеется голова быка. Ученики думают: на самом деле это лошадь, а учитель назвал её быком. Странно! Думали, что бы это значило, поехали дальше, каждый размышлял: как это понять? И вот, ученик по имени Янь Хуэй, проехав один *ри*, понял: при счёте времени «Лошадь» пишется как 牛, а если высунет голову, получится знак 牛, «бык»! та лошадь высунула голову, вот учитель и назвал её быком, чтобы испытать наш ум! Спросил у учителя, тот ответил: да, верно.

А остальные ученики, проехав ещё шестнадцать тё:, тоже поняли. Так стало ясно, у кого быстрый ум, а у кого медлительный.

У Кун-цзы мудрость была обширна, люди перед ним склоняли головы, чтили его и уважали. Так передают этот рассказ.

Рассказ объединяет несколько знаменитых историй о Конфуции, восходящих к «Ле-цзы» и другим текстам; они входят в «Фаюань чжулинь», «Шишио синьюй» и другие китайские сборники. Похожие эпизоды есть в «Тосиёри дзуйно:», «Тю:ко:сэн» (1–85), «Удзи сю:и» (152), «Дзиккинсё:» (7–7) и др.

Имя Конфуция (551–479 до н.э.) здесь пишется как «Кун-цю из Лу» 魯の孔丘, а прозвище как Кун-цзы 孔子; имя его отца – Шу Лян 叔梁, прозвание матери – Янь 顏. Учителем Конфуция здесь назван Лао-цзы 老子; «словесность» 文籍, монсэки, – древние

книги, которые Конфуций предписал изучать и своим последователям («Книга песен», «Книга преданий», «Записки об обряде», «Записки о музыке», «Весны и осени», «Книга перемен»). Янь Хуэй 顏回 (521–490 до н.э.) – ученик Конфуция, умерший молодым. Загадка про быка и лошадь перекликается с рассказом 1–1, где Чжао Гао называет оленя конём.

10–10. Рассказ о том, как Кун-цзы на прогулке встретил Жун Ци-ци

卷 10 第 10 話 孔子逍遙值榮啓期聞言語 第十

В стародавние времена Кун-цзы в местах, что зовутся [?], пришёл на холм посреди рощи и там отдыхал. Кун-цзы играл на цитре, с ним было больше десятка учеников, они сидели вокруг и читали книги.

Тут по морю на лодочке приплыл стариk в шапке, привязал лодку, выбрался на берег, опираясь на посох, подошёл и слушает, как Кун-цзы играет. Ученики увидели старика, удивились, а тот кого-то из них поманил к себе. Ученики не обращают внимание, не идут. А стариk настойчиво подзывает. Тогда один из учеников подошёл. Стариk у него спрашивает:

- Кто это играл на цитре? Неужто государь?
- Нет, не государь, – отвечает ученик.
- Тогда, может, главный министр?
- Нет, не министр.
- Тогда – государственный чиновник?
- Нет, не чиновник.
- Так кто же? – спрашивает стариk.
- Просто мудрец нашей страны, он исправляет государственные порядки, прекращает дурное, учит хорошему.

Услышав это, стариk расхохотался и говорит:

- Так он величайший дурак! – и ушёл.

Ученик выслушал слова старика, вернулся и передал их учителю. Кун-цзы услышал и говорит:

- Должно быть, это весьма мудрый человек! Скорее позови его обратно!

Ученик побежал, а стариk уже сел в лодку и отчалил. Ученик его позвал, стариk вернулся, встретился с Кун-цзы. Тот спрашивает:

- Кто вы?

А стариk ему:

- Я никто. Просто стариk, плаваю на лодке, куда сердце потянет, странствую тут и там. А ты чем занимаешься?

– Я исправляю порядки нынешнего века, прекращаю дурные дела, побуждаю к хорошим, тоже странствую.

Стариk ему:

- Вот уж бесполезное дело! Жил на свете один человек, он ненавидел свою тень. Он выходил на солнце и пускался бегом, всё хотел оторваться от тени – и не мог. Если бы сел спокойно в темноте, тогда бы от тени и избавился. А если, наоборот, пытаться избавиться от тени на свету – только устанешь, а от тени не избавишься. И ещё: дохлая собака плыла вниз по реке, один человек хотел её догнать. Он свалился в воду

и утонул. Точно так же и твоё дело – самое безнадежное. Устроить себе жилище в подходящем месте, спокойно прожить там всю жизнь – только в этом наша надежда. Но кто так не думает, кто насыщает сердце всякими мирскими делами, суетится – тот занят самым бесполезным делом. У меня вот есть три радости. Что я родился человеком – первая радость. Люди бывают мужчинами и женщинами, я родился мужчиной – это вторая радость. Мне сейчас исполнилось девяносто пять лет – это третья радость!

Так он сказал и не выслушал ответ Кун-цзы, ушёл, сел в лодку, отплыл и исчез.

Кун-цзы, глядя вслед старику в лодке, дважды поклонился. И пока был слышен плеск весла, стоял, склонившись. А когда звука не стало слышно, сел на колесницу и уехал. Старика звали Жун Ци-ци – так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Чжуан-цзы» (гл. «Рыболов»), похожие рассказы есть в «Кун-цзы цзяюй», «Ле-цзы», в «Хо:буцу-сю:», «Удзи сю:и» (90) и др.

Имя Жун Ци-ци пишется 茉啓期. «Цитра» здесь – 琴, кит. цинь.

10–11. Рассказ о том, как Чжуан-цзы просил проса у [?]

卷 10 第 11 話 莊子□□□許借粟語 第十一

В стародавние времена в Китае при династии Чжоу жил человек по имени Чжуан-цзы. Сердцем хитроумен, разумением обширен. Семья его была страшно бедна, запасов никаких.

И вот однажды ему стало нечего есть. Он встревожился сердцем, а по соседству жил человек по имени [?]. Чжуан-цзы пошел к нему попросить на сегодня жёлтого проса, а сосед говорит:

– Через пять дней мне доставят тысячу рё: золота. Тогда и заходи. Я с тобой поделюсь золотом. Как же я такому выдающемуся мудрецу дам всего-то проса на один день?! Это будет позор для меня!

Чжуан-цзы говорит:

– Однажды я шёл по дороге, и вдруг сзади чей-то голос меня окликнул. Я обернулся – никого нет. Думаю: странно! Пригляделся – а там рытвина от колеса залита водой, и в ней крупная рыба. Смотрю – она живая, шевелится. Я подумал: откуда здесь рыба? Подошёл как следует рассмотрел её – а воды совсем мало, рыба еле барахтается. Я спросил у рыбы: как ты тут очутилась? А она отвечает: я как посланница речного бога направлялась в Гаоли, я сама – божество волн восточного моря. Нечаянно залетела не туда, упала вот в эту лужу, воды тут мало, всего на глоток, я уже умираю. Я думала, ты мне поможешь, вот и окликнула тебя. Я сказал: через три дня я отправлюсь прогуляться в [?]. Я тебя туда отнесу и выпущу. А рыба мне говорит: три дня я не продержусь! Дай мне сегодня хоть немного воды, утоли сперва мою жажду! И я сделал, как она просила, принёс ей немного воды, помог. А сегодня я сам – как та рыба: если не получу еды, жизнь моя оборвётся. И потом тысяча мер золота мне будет уже ни к чему.

Отсюда и пошла поговорка: «Тысяча мер золота, но позже». Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Чжуан-цзы» (гл. «Вещи вне нас»), где сосед мудреца Чжуан-цзы 莊子 (369–286 до н.э.) именуется Смотрителем Реки 監河侯, Цзянь Хэ-ху. Похожий рассказ есть в «Удзи сю:и» (196).

Речной бог здесь – 河伯神, *кава-но ками*. Куда направлялась рыба, неясно; судя по иероглифам – в корейское государство Корё, еще не существующее во времена Чжуан-цзы; может быть, имеется в виду царство, где правит рыба Гао-да (ср. рассказ 1–1). В исходном тексте рыба говорит о себе только: «Я ведаю волнами в Восточном море», а Чжуан-цзы обещает: «Я приведу тебе сюда воды Западной реки с юга от царей У и Юэ». В «Удзи сю:и» нестыковки поправлены: рыба направлялась «в реки и озёра», туда мудрец и обещает её отнести.

10–12. Рассказ о том, как Чжуан-цзы пришёл в гости, а хозяин для него подготовил гуся

卷 10 第 12 話 莊子行人家殺雁備肴語 第十二

В стародавние времена в Китае жил человек по имени Чжуан-цзы. Сердце его было мудро, разумение обширно.

Он шёл по дороге через горный лес. А в лесу среди множества деревьев было одно кривое, уже очень старое. Чжуан-цзы поглядел на это дерево и спросил у дровосеков:

– Как это деревоостояло так долго, сберегло свою жизнь?

Дровосеки отвечают:

– Мы для порубки выбираем в лесу хорошие, прямые деревья, а это кривое, гнутое, ни на то не годится, вот его и не срубили, достояло до старости.

Чжуан-цзы выслушал, подумал: вот как! – и пошёл дальше.

А на следующий день Чжуан-цзы пришёл в дом к одному человеку, тот его принял, устроил угощенье. Выпивка у него была, а закуски не было, а в доме он держал двух гусей. Хозяин велел зарезать и приготовить одного из гусей. Слуга, что смотрел за гусями, спрашивает: которого гуся резать, голосистого или безголосого? Хозяин ему: голосистого оставь, пусть гогочет, а безголосого зарежь и приготовь. И слуга послушался хозяина, свернул шею безголосому гусю и приготовил угощенье.

Тут Чжуан-цзы говорит:

– Вчерашнее дерево было ни на что не годно и так сохранило свою жизнь. Сегодня у хозяина гусь был даровит и выжил. Если подумать, так же и с мудрецами и глупцами: долго ли они проживут, от мудрости не зависит, всё случается само собой. Значит, неверно, что даровитый не погибнет, а никчёмный погибнет. И кривое дерево живёт долго, и безголосый гусь вдруг умирает. Надо думать, так же и всё прочее.

Это слова Чжуан-цзы. Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Чжуан-цзы» (гл. «Дерево на горе»), похожие эпизоды есть в «Дзиккинсё:» (2–2) и др.

10–13. Рассказ о том, как Чжуан-цзы поглядел на повадки животных и бежал прочь

卷 10 第 13 話 莊子見畜類所行走逃語 第十三

В стародавние времена в Китае жил человек по имени Чжуан-цзы. Сердце его было мудро, разумение обширно.

Он шёл по дороге – а в болоте цапля: стоит, высматривает что-то. Чжуан-цзы её увидел, захотел потихоньку подобраться и ударить посохом, подошёл ближе – а цапля не улетает.

Чжуан-цзы удивился, подобрался ещё ближе, глядь – а цапля стоит и примеривается, как сожрать рачка. А сама и не знает, что человек её хочет убить. Чжуан-цзы пригляделся к тому рачку, на кого охотится цапля, – а тот не пытается спрятаться. Он тоже нацелился сожрать мелкую букашку, а сам не знает, что цапля на него охотится.

Тогда Чжуан-цзы бросил посох, а в сердце своём думает: цапля, рачок и букашка не знают, что им грозит беда, каждый думает только, как навредить другому. Я тоже хотел убить цаплю – и не думал, что есть кто-то сильнее меня, кто хочет меня погубить. Так я не буду, как они, сбегу!

И убежал со всех ног.

Он был мудр. Людям следовало бы думать так же.

А как-то раз Чжуан-цзы с женой стояли у воды, глядь – в воде играют крупные рыбы. Жена на них смотрит и говорит:

– Эти рыбы, должно быть, радуются, вон как играют!

Чжуан-цзы это услышал и говорит:

– Как ты можешь знать помыслы рыб?

Жена отвечает:

– А как ты можешь знать, знаю я помыслы рыб или не знаю?

Тогда Чжуан-цзы говорит:

– Кто сам не рыба, не понимает помыслы рыб. Кто не я, не понимает моих помыслов!

Это мудро. На самом деле даже близкие люди не знают помыслов друг друга. Так что и Чжуан-цзы, и его жена были мудры, разумение их было глубоко. Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Чжуан-цзы» (гл. «Дерево на горе» и «С осенними разливами»); отсылки к этим эпизодам встречаются во многих источниках, но во втором обычно (как и в исходном тексте) действует не жена Чжуан-цзы, а его друг Хуэй-цзы (он же Творящий Благо). Ср. в переводе Л.Д. Позднеевой:

Прогуливаясь с Творящим Благо по мосту через Хао, Чжуан-цзы сказал:

– Пескари привольно резвятся, в этом их радость!

– Ты же не рыба, – возразил Творящий Благо. – Откуда [тебе] знать, в чем ее радость?

– Ты же не я, – возразил Чжуан-цзы. – Откуда [тебе] знать, что я знаю, а чего не знаю?

– Я не ты, – продолжал спорить Творящий Благо, – и, конечно, не ведаю, что ты знаешь, а чего не знаешь. Но ты-то не рыба, и не можешь знать, в чем ее радость.

– Дозволь вернуться к началу, – сказал Чжуан-цзы. – «Откуда [тебе] знать, в чем ее радость?» спросил ты, я ответил, и ты узнал то, что знал я. Я же это узнал, гуляя над [рекой] Хао.

10–14. Рассказ о том, как Фэй Чан-фан во сне изучил закон бессмертных, добрался до острова Пэнлай и вернулся обратно

卷 10 第 14 話 費長房夢習仙法至蓬萊返語 第十四

В стародавние времена в Китае при династии [?] жил человек по имени Фэй Чан-фан.

Однажды он шёл по дороге – а посреди дороги лежат высохшие кости мертвеца, прохожие на них наступают. Фэй Чан-фан их увидел, в сердце его проснулась жалость, он собрал кости, отнёс на обочину и похоронил, зарыл глубоко в земле.

Потом Фэй Чан-фану во сне явился незнакомец, обличьем не похожий на человека, и говорит:

– После моей смерти тело валялось на дороге, прохожие на него наступали. И никто меня не прибрал с глаз долой, меня топтали, я горевал и печалился, а ты увидел мои кости, пожалел и похоронил. Этому я рад и благодарен тебе безмерно. Истинный дух мой после смерти возродился на небе, обрёл безграничные удовольствия. А чтобы охранять кости, другой мой дух не покидал того места, где они лежали, оставался поблизости. Теперь я похоронен и явился высказать тебе свою радость. Нет слов, чтобы выразить, как я за это обязан! Но в прошлом, когда был жив, я изучал закон бессмертных и упражнялся в нём. Я той науки до сих пор не забыл и могу передать её тебе.

Фэй Чан-фан отвечает:

– Хоть я и не знал, чьи это останки, мне стало жалко, что люди по ним ходят, вот я их и похоронил. А теперь ты пришёл и готов обучить меня закону бессмертных – и это меня радует! Сейчас же стану изучать его!

И во сне стал учиться, а когда принял наставление, проснулся.

Потом он упражнялся, следя наставлениям, и вскоре тело его стало лёгким, он смог без помех подниматься в небо. С тех пор Фэй Чан-фан стал бессмертным.

Так что если у дороги лежат останки, всем на позор, и люди ходят по ним, нужно их похоронить. Дух умершего непременно будет рад. Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Хоу Хань-шу» (72); похожие эпизоды есть в «Мо:гю:-вака» (1, 7), в «Тайхэйки» (12), «Сога-моногатари» (1) и др.

Даос Фэй Чан-фан 費長房, по преданиям, родился во времена Поздней Хань и стал «бессмертным» 仙, кит. сянь, яп. сэн. По словам умершего, у него два «духа» 魂, кит. хунь, яп. кон, «истинный» и ёщё один; чаще различают души хунь и по 魂魄, светлую и тёмную: первая после смерти отправляется к другим умершим, а вторая может долго оставаться близ тела и вредить живым. Из рассказа, видимо, следует, что бессмертным становится дух, но не тело; чаще в даосских текстах говорится, что учение о бессмертии позволяет и тело сохранить живым на тысячи лет.

10–15. Рассказ о том, как Кун-цзы пошёл к разбойнику Чжи, чтобы вразумить его, но убрался и ушёл восвояси

卷 10 第 15 話 孔子為教盜跖行其家怖返語 第十五

В стародавние времена при династии [Чжоу?] в Китае жил человек по имени Лю-ся Хуэй. Его считали хитроумным, люди весьма его ценили.

У него был младший брат по прозвищу Разбойник Чжи. Он поселился у подножия горы, собрал шайку – множество злых и отважных людей, вместе с ними грабил всех подряд, добрых и злых. Когда гулял, эти злодеи-удальцы его сопровождали, было их уже тысячи две или три. Они нападали на людей, любили творить самые недобрые дела.

Как-то раз старший брат, Лю-ся Хуэй, шёл по дороге и встретил Кун-цзы. Тот ему:

– Куда путь держишь? Мне с тобой нужно кое-что лично обсудить, удачно же я тебя встретил!

– Что бы ты хотел обсудить? – спрашивает Лю-ся Хуэй.

– Личное дело у меня к тебе вот какое, – говорит Кун-цзы. – Твой младший брат, Разбойник Чжи, пристрастился к самым дурным делам, собрал шайку отважных злодеев, вместе с ними приносит горе множеству людей, губит наш век. Почему же ты как старший брат не вразумишь его?

Лю-ся Хуэй отвечает:

– Хоть Разбойник Чжи мне и брат, не такой он человек, чтобы следовать моим наставлениям. Поэтому я много лет печалюсь, но не пытаюсь его вразумить.

– Если ты не пытаешься, – говорит Кун-цзы, – тогда я пойду к Разбойнику Чжи и вразумлю его! Что скажешь?

– Ни в коем случае, – отвечает Лю-ся Хуэй, – не ходи к нему с наставлениями! Пусть ты и истратишь все твои замечательные слова, поучая его, он не такой человек, кто хоть сколько-нибудь послушается. Наоборот, это обернётся злом. Ни в коем случае не делай этого!

Кун-цзы говорит:

– Хоть и злодей, разбойник Чжи родился человеком, а потому, если рассказать ему о благих делах, он естественным образом к ним склонится. Ты говоришь, он тебя не слушается, не даёшь ему братских наставлений, делаешь вид, будто ты ни при чём, и это очень плохо. Вот увидишь! Я пойду и покажу тебе, как его вразумить и исправить!

Такие слова он прокричал и ушёл.

Потом Кун-цзы поехал к разбойнику Чжи. Спешился, встал у ворот, глядь – на дворе все одеты в доспехи, вооружены: кто луками и стрелами, кто мечами или боевыми посохами. Снастей для охоты на оленей, птиц и прочую дичь лежит столько, что ступить некуда. Так тут творят всяческие злые дела.

Кун-цзы подозвал одного разбойника, говорит: разрешите войти. Прибыл человек из Лу по имени Кун Цю! Посланец сходил к атаману, вернулся и передаёт ответ:

– Ты на слуху, известный человек. Прежде всего: зачем ты явился? Я слышал, ты странствуешь и даёшь людям наставления. Не затем ли ты приехал, чтобы учить меня? Если так, входи и учи. Понравится мне –

воспользуюсь наставлением, а не понравится – заквашу твою печёнку в уксусе!

Тогда Кун-цзы предстал перед Разбойником Чжи, ещё со двора ему поклонился. Потом поднялся в дом и сел. Глядь – а Разбойник Чжи одет в доспехи, за поясом меч, в руке копьё. Волосы на голове отросли на три сяку [90 см], спутаны, как полынь. Глаза огромные, словно колокольца. Озирается вокруг, носом сопит свирепо, зубы скалит так, что усы топорщатся.

Разбойник Чжи говорит:

– Так зачем пожаловал? Говори толком!

Голос у него громкий, зычный, страшный безмерно.

Кун-цзы его слушает и думает: я и не подозревал, что он настолько грозен. Как погляжу, он и видом, и повадкой не похож на человека! Сердце и нутро содрогнулись – но Кун-цзы совладал с собой и заговорил:

– Кто живёт в мире людей, тот всегда украшает себя правилами, сердце ими [?]. Ныне Небо – над головой, Земля – под ногами, вокруг – четыре стороны света; почитают господ, жалеют нижестоящих, любят людей – вот как живут люди. Ты, я знаю, по воле сердца склонился к злым делам. Но зло в итоге обернётся злом, даже если сейчас оно тебе по сердцу. А кто следует добру, для тех добро оборачивается добром. Так что послушайся этих слов! Чтобы сказать тебе их, я и пришёл.

Разбойник Чжи расхохотался и громовым голосом отвечает:

– Все слова твои – мимо цели! И вот почему. В старину было двое правителей, Яо и Шунь. В мире их чтили безмерно. Но их дети и внуки в мире неизвестны нисколечко. А ещё в мире почитают Бо И и Шу Ци. Но они полегли на горе Шоуян, умерли с голоду. А ещё у тебя был ученик Янь Хуэй. Хоть ты его и учил уму-разуму, он ничего не постиг, прожил недолго и умер. А был ещё у тебя же ученик Цзы Лу. Его убили у ворот Вэй [?]. Стало быть, вся эта мудрая братия в итоге никакие не мудрецы. А я люблю злодейства и никакой беды со мной не случилось. Восхваления не продлятся дольше четырёх или пяти дней. И хулы – точно так же. Стало быть, и за добро долго не хвалят, и за зло долго не хулят. Вот почему надо творить добро или зло, или не творить их, следуя только своим желаниям. Ты сам режешь дерево себе на шапку, из кожи шьёшь одежду. Боишься мира, служишь господам, но и из Лу тебя выгнали, и из Вэй выжили. Какая же это мудрость? Стало быть, слова твои – сплошная чушь. Сейчас же проваливай отсюда! Нет от тебя никакого прока!

Тогда Кун-цзы не придумал, что ещё сказать, поднялся и тотчас вышел.

Когда садился на коня, он так боялся, что дважды не мог взяться за поводья, попасть ногой в стремя. Люди в свете говорили: Кун-цзы проиграл! Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Чжусан-цзы» (гл. «Разбойник Чжи»), похожий рассказ есть в «Удзи сю:и» (197).

Обычно считается, что Лю-ся Хуэй 柳下惠, знаменитый праведный судья, жил на сто или больше лет раньше Конфуция, но в книге «Чжусан-цзы» они современники а

разбойник Чжи 盜跖 – брат судьи. «Правила» здесь – 道理, *do:ri*, «путеводные основы». Яо 尧 и Шунь 舜 причисляются к первым праведным правителям Китая. Бо И 伯夷 и Шу Ци 叔齐 (XI в. до н.э.), сыновья правителя княжества Гучжу, предпочли смерть на горе Шоуян неправедной жизни. О Янь Хуэ см. рассказ 10–9. Цзы Лу 子路 (542–480), пройдя обучение у Конфуция, служил в царстве Вэй и погиб на службе.

10–16. Рассказ о том, как Ян Ю стрелами сбил девять из десяти солнц, явившихся на небе

卷 10 第 16 話 養由天現十日時射落九日語 第十六

В стародавние времена в Китае при династии [?] жил человек по имени Ян Ю. Сердцем он был весьма отважен и из лука стрелял так, будто цель ему была видна как на ладони. А потому государь поручил этому Ян Ю путь воинских искусств, и он ни в чём не оплошал. И вся страна следовала за Ян Ю.

Однажды на небе явилось десять солнц. Каждое сияло, дожди не шли, наступала засуха. Конечно, когда разом светит десять солнц, травы и деревья расти не могут. Всё высохло. Поэтому государь, а за ним и министры, и чиновники, и народ – все горевали и сетовали безмерно.

Тогда Ян Ю в сердце своём подумал: когда на небо выходит одно солнце, это соразмерно людским делам и силам. А сейчас вдруг вышло десять солнц. Девять солнц непременно ввергнут страну в беду! Ян Ю взял лук, наложил стрелу, выстрелил в небо – и так сбил девять солнц. А одно солнце осталось сиять на небе, как раньше.

Тогда люди поняли, что ужас на страну наводили те девять солнц, а Ян Ю их перестрелял. И все восхваляли Ян Ю, [благодарили] безмерно.

Думается, для того, чьё сердце отважно, такие чудеса понятны. Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Ши-цзи» (4), похожие эпизоды есть в «Хуайнань-цзы», «Соушэнь-цзы» (11); в «Тю:ко:сэн» (1–69) и др.

10–17. Рассказ о том, как стрела Ли Гуана пронзила скалу, похожую на тигра

卷 10 第 17 話 李広箭射立似虎巖語 第十七

В стародавние времена в Китае при династии [Хань] жил человек по имени Ли Гуан. Сердцем он был отважен, превосходил всех на пути стрельбы из лука.

И вот, на его мать напал тигр. Кто-то Ли Гуану об этом рассказал. Он это услышал, встревожился, пришёл, глядь – мать и в самом деле растерзал тигр. Тогда Ли Гуан взял лук и стрелы и пошёл по следам тигра. Зашёл в горную долину, глядь – а там лежит тигр. Ли Гуан его увидел, обрадовался, выстрелил – и стрела пронзила тигра, вошла по самое оперение.

Ли Гуан рад был, что застрелил тигра – убийцу матери, подошёл, смотрит – а это скала, похожая на тигра. Странно! – думает он. Снова выстрелил в эту скалу – стрела не вошла, отскочила.

Тогда Ли Гуан подумал: в сердце своём я очень хотел застрелить тигра, убившего мать, вот и смог стрелой пронзить скалу. А теперь, когда понимаю, что это скала, стреляю – и пробить не могу. Заплакал и вернулся домой.

Потом по свету широко разошлась молва о нём. Люди хвалили Ли Гуана за то, что решил застрелить тигра, и жалели его.

Стало быть, когда чего-то воистину хочешь всем сердцем, во всяком деле получается вот такое! Так говорили люди в тот век и так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Хань-шу» (54), похожие эпизоды есть в «Соушиэнь-цзи» (11) и в «Фаюань чжулинь» (27); в «Тю:ко:сэн» (1–70), «Мо:гю:» и «Мо:гю: вака» (1), «Согамоногатари» (7).

10–18. Рассказ о том, как старший военачальник Хо встретился с покойной женой и умер

卷 10 第 18 話 霍大將軍值死妻被打死語 第十八

В стародавние времена в Китае при первом государе династии Хань жил человек по имени Хо, старший военачальник. Сердцем отважный, рассудительный, он был женат на государевой дочери.

И вот его жена умерла. Военачальник безмерно горевал, тосковал – да уж больше с нею не свидишься! Он тотчас нарубил деревьев бай, построил терем и в нём похоронил жену.

С тех пор военачальник, когда тоска станет нестерпимой, утром ли, вечером ли – ходил в терем, взяв с собой угощенье, совершал обряд и возвращался. Так прошёл год.

Однажды под вечер военачальник пошёл в терем, как обычно взял с собой угощенья, и тут ему явилась покойная жена в прежнем своём обличье. Военачальник увидел её, и как глубоко ни тосковал по ней – испугался, устрашился безмерно. А жена говорит: ты так горюешь обо мне, воистину, это и трогательно, и достойно! Я рада! Военачальник услышал её голос и устрашился ещё больше.

Глубокая ночь, людей – никого. Военачальник хотел бежать – а жена ухватила его за одежду и вдруг обняла. Военачальник от испуга растерялся, пытается вырваться – а жена рукой ударила его по пояснице. После этого удара военачальник вырвался и убежал.

Вернулся домой, и тотчас поясница разболелась, в полночь он умер. Потом государь об этом узнал, почтил дух покойницы, выделил ей пятьсот дворов. И позже, когда стране грозили бедствия, из её терема слышались звуки, похожие на раскаты грома. Являлось и еще много чудес. Когда из терема раздавались звуки, люди говорили: это снова звучит голос духа из терема Бай.

Стало быть, даже если о ком-то горюешь и тоскуешь, так вести себя не надо. Когда человек становится духом, он прежнее своё сердце теряет – и это очень страшно! Так передают этот рассказ.

Источник рассказа неизвестен; ср. в «Кондзяку» рассказ 31–35.

Возможно, речь идёт о полководце Хо Гуане 霍光 (ум. 68 до н.э.) или о знаменитом, хотя и рано погибшем воине Хо Цюй-бине 霍去病 (140–117 гг. до н. э.); см. [Митта 2003]. Дерево *бай* 柏, яп. *кая*, – торрея орехоносная, *Torreya nucifera*, хвойное дерево, древесина считается ценной, из неё, в частности, делают доски для игры в го.

Митта Акихиро 三田明弘. Хакурё:дэн-но кэ – «Кондзяку моногатари-сю: кэн дзю: дай дзю:хатива Какудайсё:гун ханаси-но ко:сай 柏靈殿の怪 – 『今昔物語集』卷十第十八話霍大將軍譚の考察 [Чудеса духа из терема бай – размышления о рассказе 10–18 из «Собрания стародавних повестей», о военачальнике Хо] // Котэн исан 古典遺産. 2003. Вып. 53. С. 47–58.

10–19. Рассказ о том, как недоверчивый Су Гуй, отправляясь в дальние края, оставил жене половинку зеркала

卷 10 第 19 話 不信蘇規破鏡与妻遠行語 第十九

В стародавние времена в Китае при династии [?] жил человек по имени Су Гуй.

Он отправился в дальние земли посланцем государя, а жене сказал:

– Государь посыпает меня в дальние края, мы с тобой долго не увидимся. Раз так, я с другой женщиной не сойдусь, и ты тоже не сходись с другим мужчиной. Для этого я сломаю пополам зеркало, одну половинку оставлю тебе, а другую возьму с собой. Если я сойдусь с другой женщиной, моя половинка зеркала непременно прилетит сюда и соединится с твоей. А если ты сойдёшься с другим мужчиной, та половинка зеркала, что остаётся у тебя, улетит и соединится с моей половинкой!

Так он поклялся, жена с радостью взяла половинку зеркала, спрятала в ларец. А Су Гуй взял другую половинку зеркала, выехал из дома, отправился в дальние края, и всюду она была при нём.

Потом прошло время, жена дома сошлась с другим мужчиной. Су Гуй этого не знал, будучи далеко, и тут женина половинка зеркала вдруг прилетела, соединилась с его половинкой, как и было уговорено. Тогда Су Гуй понял, что жена его вдруг нарушила уговор и сошлась с другим мужчиной, досадно ему было, что она не сдержала клятву.

Стало быть, когда помыслы чисты, даже бездушная вещь ведет себя вот так. Так передают этот рассказ.

Источник рассказа неизвестен; похожие рассказы есть в «Кара-моногатари» (10) и др.

10–20. Рассказ о том, как прямой сердцем Цзи Чжа повесил меч на могиле Сюй-цзюня

卷 10 第 20 話 直心季札劍懸徐君墓語 第二十

В стародавние времена в Китае при династии [?] жил человек по имени Цзи Чжа. Он был превосходен на путях воинских искусств, а сердцем прям.

Он как посланец государя отправился в чужие края, чтобы покарать шайку мятежников, а по дороге вдруг попал под сильные

дожди. Началось наводнение, ехать стало нельзя. Он остановился в доме человека по имени Сюй-цзюнь.

Прошло два месяца, дожди перестали, небо прояснилось, Цзи Чжа собрался продолжить путь и, выезжая из дома Сюй-цзюня, сказал:

— Я провёл в твоём доме несколько месяцев. Я должен отблагодарить тебя. У меня есть вещь, дорогая для меня, как сама жизнь: вот этот меч, что у меня за поясом. Я хочу подарить его тебе. Я поеду, покараю мятежников, и на обратном пути тебе его вручу.

И уехал. Через год он, как и думал, усмирил мятежников, срубил им головы и поехал обратно, заехал в дом Сюй-цзюня, чтобы отдать меч, — а ворота того дома уже заросли травой, вокруг — запустенье.

Цзи Чжа это увидел, удивился, расспросил о Сюй-цзюне одного старика, а старик говорит: Сюй-цзюнь давно умер. Цзи Чжа спрашивает: а где его могила? Старик показал рукой: вон там. Глядь — а на могиле уже выросло деревце эноки высотой в три сяку.

Цзи Чжа по указанию старика пошёл к могиле, вытащил из-за пояса меч и повесил на деревце. Так он, как и обещал, воздал Сюй-цзюню благодарностью.

Вот так поступают люди, у кого есть сердце. Меч был ему самому защитой, сокровищем его семьи, но Цзи Чжа не забыл обещания, а потому хотя гостеприимца уже и не было в живых, повесил меч на деревце у могилы, а сам уехал восвояси. Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Ши-цзи» (31), похожие эпизоды есть в «Тю:ко:сэн» (1–73), «Хо:буцу:сю:», «Мо:гю:-вака» (9), «Дзиккинсё:» (6–30), «Гэмпэй дзё:суйки» (15) и др.

Цзи Чжа, сын правителя царства У, жил в VI в. до н.э. Сюй-цзюнь 徐君 — правитель княжества Сюй.

10–21. Рассказ о том, как женщина из Чанани поменялась изголовьями с мужем, и враг убил её вместо него

卷 10 第 21 話 長安女代夫違枕為敵被殺語 第廿一

В стародавние времена в Китае при династии [?] в городе Чанань жила женщина. Обличьем красавица, сердцем верная и прямая. У неё был муж, а у мужа враг. Чтобы убить её мужа, враг пробрался в дом. Муж тогда был в отъезде. Враг увидел, что его нет, и захватил в заложники отца жены.

Жена услышала, что отца захватил враг, вышла из дома. Враг увидел её, обрадовался:

— Я пришёл убить твоего мужа, а его здесь нет. Если не выдашь мне мужа, я убью твоего отца.

Жена отвечает:

— Неужто ты собрался убить отца, раз мужа не застал? Если нет, то последуй моим словам: приходи позже, тогда сможешь убить мужа. Вот здесь в спальне муж спит на восточном изголовье, а я на западном. Когда придёшь, убьёшь его на восточном изголовье.

Враг это услышал, отпустил отца и скрылся.

А потом вернулся муж. Жена ему говорит: этой ночью я лягу на восточное изголовье, а ты ложись на западное! Так и легли.

И вот, враг явился, решил, что на восточном изголовье спит муж, – а там была жена, – и убил её. Потом глядь – убил-то он жену, а муж остался жив. Враг, видя это, огорчился, сетовал безмерно. Тут-то и понял: жена поменялась с мужем изголовьями, вот я и убил её.

После этого враг весьма сожалел и навсегда оставил враждебные помыслы, дал нерушимую клятву.

Вот такие жёны бывали в старину – не щадя собственной жизни, спасали мужей! Это великая редкость! – говорили все, кто об этом слышал. Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Сяоцзы-чжуань» (2–20), похожие эпизоды есть в «Тю:ко:сэн» (1–67), «Гэмпэй дзё:суйки» (19) и др. В Японии похожую историю рассказывают о другой женщине – японке, госпоже Кэса; убийцей её стал Эндо-но Моритоо, который затем принял постриг и прославился под монашеским именем Монгаку.

10–22. Рассказ о том, как на почтовой станции путник исполнил последний наказ умирающего, положил деньги в гроб и обрёл заслугу

卷 10 第 22 話 宿駅人隨遺言金副死人置得德語 第廿二

В стародавние времена в Китае при династии [?] один человек ехал в чужие края, солнце садилось, он заночевал на почтовой станции. А там уже был один постоялец, недужный. Раньше эти двое знакомы не были.

И вот больной подозвал вновь прибывшего. Тот послушался, подошёл. Недужный говорит:

– Я в пути заболел несколько дней назад. Этой ночью я умру. У меня под боком деньги, двадцать рё:. После смерти меня надо непременно положить в гроб, а со мной и эти деньги.

Новый постоялец, услышав это, хотел спросить: а каковы твои прозвание и имя, откуда ты родом, есть ли у тебя семья? – но не успел, больной уже испустил дух. Постоялец думает: странно! Посмотрел – под боком у мёртвого и вправду двадцать рё золота. Постояльцу стало жаль умершего, он исполнил его наказ: взял деньги, малую часть потратил на похоронную утварь, а остальное, как тот и просил, положил с ним в гроб, себе ничего не оставил. Хоть и не знал этого человека, а поступил с ним вот так, сам же вернулся домой.

Потом нежданно к нему прискакал конь, неизвестно чей. Этот человек увидел коня, думает: это точно неспроста! Привязал коня, стал кормить. И никто не объявился, не сказал – я, мол, хозяин.

А потом ураганом принесло стёганое одеяло. И снова этот человек решил: неспроста! Оставил одеяло у себя, и опять никто не явился искать: это, мол, моё одеяло.

А затем пришёл человек, говорит:

– Это конь моего сына, его зовут так-то. И одеяло его, это одеяло унесло ураганом. И конь, и одеяло очутились в твоём доме. В чём дело?

Хозяин отвечает:

– Конь нечаянно сорвался с привязи и прискакал сюда, его никто не искал, вот я и стал его кормить. А одеяло принесло ветром.

Пришедший говорит:

– И конь к тебе прибежал, и одеяло к тебе прилетело. У тебя есть какие-то заслуги?

– Нет у меня особых заслуг, – отвечает хозяин. – Но однажды я ночевал на почтовой станции, а там был постоялец, он болел, мучился и умер. Я исполнил его наказ, взял у него из-под бока двадцать рё: золота, на малую часть купил погребальную утварь и похоронил его, а что осталось, положил ему в гроб, себе ничего не оставил. И уехал. Я хотел спросить, как его имя и прозвание, откуда он – но не успел, он скончался.

Пришедший, услышав это, упал наземь, стал биться и рыдать неутешно. Заливаясь слезами, вымолвил:

– Тот человек и есть мой сын, он умер! Конь его, одеяло его. Ты в точности исполнил его последний наказ, и твоя тайная заслуга обнаружилась, коня и одеяло Небо пожаловало тебе!

И не забрал ни коня, ни одеяла. В слезах двинулся восвояси. Хозяин послал было коня и одеяло вслед ему, но тот так и не взял, ушёл.

Потом этот случай стал широко известен, этого человека стали весьма ценить как прямого, чуждого кривых помыслов. С тех пор, если вещи унесло ураганом, их не возвращают прежним хозяевам. И хозяева не говорят – это, мол, наше. И считается: ежели что кому принесло ветром – это добрый знак. Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Хоу Хань-шу» (71).

10–23. Рассказ о том, как недуги обернулись людьми, а врач услышал их слова и вылечил больного

卷 10 第 23 話 病成人形医師聞其言治病語 第廿三

В стародавние времена в Китае при династии [?] один человек тяжко занемог. А в ту пору жил знаменитый врач. Больной, чтобы вылечиться, пригласил этого врача, и врач тотчас принял приглашение.

Ночью во сне врач увидел, как недуги вдруг обернулись двумя отроками и стали сетовать:

– Этот врач нам навредит! Что же делать? Куда бежать? – говорит один. А другой отвечает:

– Если мы заберёмся на точку хуан и под точку гао, как этот врач нам повредит?

Тут врач проснулся. Потом он побывал у больного, осмотрел его и говорит:

– Я не смогу излечить твои недуги. Иглы не помогут, снадобья тоже.

И не стал лечить, ушёл, а больной умер. Точка под желчным пузырём называется хуан, а точка над ним – гао. Если недуги гнездятся в этом месте, их вылечить нельзя, вот почему, наверно, отроки так сказали.

А потом тяжело заболел другой человек. И позвал этого же врача, чтобы тот его вылечил. Врач принял приглашение, пошёл к больному, а по дороге услышал, как двое демонов сетуют:

– Этот врач в итоге нас погубит! Что же делать? – говорит один.

Второй, как тогда во сне, отвечает:

– Укроемся над точной хуан и под точкой гао, он ничего не сможет сделать.

– А если он даст пилюлю из восьми ядов? – говорит первый.

– Тогда, – отвечает второй, – нам не спастись!

Врач это услышал, поспешил к больному, в этот раз дал пилюлю из восьми ядов. Недужный её принял – и болезнь прошла.

Итак, недуги тоже имеют сердце, вот так разговаривают. Так передают этот рассказ.

Рассказ, возможно, восходит к «Цзо-чжуань» (Чэнь-гун 10, 2), но там врач так и не узнаёт, как лечить этот недуг.

Хуан 盲 и гао 膏 – термины акупунктуры, обе точки находятся между сердцем и диафрагмой. Что такое «пилюля из восьми ядов» 八毒丸, неясно.

10–24. Рассказ о том, как в Китае Цзя И после смерти являлся из могилы и учил сына грамоте

卷 10 第 24 話 震且賣誼死後於墓文教子語 第廿四

В стародавние времена в Китае при династии Хань жил человек по имени Цзя И. Имел он ясный ум, в чтении книг никогда не плошал.

У него был сын по имени Синь. Когда Цзя И умер, сын был мал, грамоте ещё не учился. Как же я буду жить на свете? – тревожился он, сетовал, ночью пошёл на могилу отца, всё ему рассказал, плакал и бил поклоны.

И вот, Цзя И увидел сына, вышел и говорит:

– Ты должен выучиться грамоте.

– Я хочу выучиться, – отвечает Синь, – но кто же будет учителем, у кого мне учиться?

– Если хочешь выучиться, – говорит Цзя И, – приходи сюда каждую ночь вот так, будешь учиться у меня.

И тогда Синь послушался отца, стал каждую ночь ходить на могилу, учиться грамоте. Это продолжалось пятнадцать лет. Так Синь полностью освоил путь [словесности].

Государь о том просlyшал, вызвал Синя к себе, взял на службу, и тот в самом деле был хорош на этом пути. Ему доверяли дела как серьёзному человеку, в итоге он достиг своей цели. Позже Синь ходил на могилу, но Цзя И больше не показывался.

Цзя И после смерти лично являлся сыну, учил его словесности, помог ему достичь цели – удивительный, редкий случай! Так передают этот рассказ.

Источник рассказа неизвестен.

Цзя И 贾谊 (201–168 до н.э.) – знаменитый книжник и поэт, последователь Конфуция, советник ханьского государя Вэнь-ди. Был наставником государева сына и, по преданию, покончил с собой, когда этот принц скоропостижно умер.

10–25. Рассказ о том, как Гао Фэн стал наместником Бяньчжоу и позвал к себе бывшую жену

卷 10 第 25 話 高鳳任笮州刺史迎旧妻語 第廿五

В стародавние времена в Китае при династии Хань жил человек по имени Гао Фэн. С детских лет он был сердцем мудр, днём и ночью изучал словесность, ни о чём другом не помышлял.

А дом Гао Фэна был очень беден, родных у него не было, только жена. Но Гао Фэн в мирских делах ничего не понимал, только изучал книги, так прошло много лет, и как-то раз под вечер еда кончилась. Тогда жена пошла к соседям попросить проса, принесла, стала готовить ужин, рассыпала зерно сушиться во дворе.

Жена говорит Гао Фэну:

– Чтобы приготовить ужин, я сходила к соседям, выпросила проса, принесла, сушу его во дворе. Если куры придут и станут клевать, ты их скорее прогони. А я пойду добуду огня, – и ушла опять.

Потом пришли куры, стало во дворе клевать просо. А Гао Фэн сидел над книгами, ни о чём другом не помышлял, ничего не заметил – куры так и склевали всё зерно.

Жена возвращается, глядь – проса нет. Как же так, проса нет? – спрашивает, а Гао Фэн отвечает: не знаю. Тогда жена в великом гневе говорит ему:

– Ты изучаешь книги, но мирских дел не знаешь, редкий ты дурак! Отныне не стану жить с тобой!

Гао Фэн ей на это:

– Года через три я стану богат. Подожди до срока!

Но жена его словам ничуть не поверила, ушла он него. Потом она уехала в край Бяньчжоу и вышла замуж за другого.

И вот, прошло четыре года, Гао Фэн был назначен наместником Бяньчжоу. Так он стал богат, прибыл в тот край, а там для него починили дорогу, всё прибрали, сутились и хлопотали безмерно. Жители края – богатые и бедные, мужчины и женщины – в бесчисленном множестве собрались посмотреть, как въезжает наместник.

Среди них была и бывшая жена наместника. Она с новым своим мужем спряталась в кустах и смотрела оттуда. А наместник издалека приметил её в кустах, остановил носилки, подозвал слуг и велел ей передать: не я ли твой бывший муж, не ты ли моя первая жена? Она это услышала, в великой радости вышла из кустов. Наместник её подозвал поближе, глядь – и вправду она! Он растрогался безмерно.

Наместник не оставил прежних помыслов, пригласил бывшую жену к себе, стал с нею жить, как прежде, заботиться о ней. А новая жена наместника от такого позора уехала. Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Хоу Хань-шу» (73); похожие эпизоды есть в «Тю:ко:сэн», «Кара-моногатари» (19), «Мо:гю:» и «Мо:гю:-вака» (2), «Дзиккинсё:» (8–9), «Гэмпэй дзё:суйки» (30).

10–26. Рассказ о том, как Вэнь-цзюнь услышала звуки цитры, встретилась с Сян-жу и стала его женой

卷 10 第 26 話 文君與箏值相如成夫妻語 第廿六

В стародавние времена в Китае при династии Хань жила девушка по имени Вэнь-цзюнь, лицом прекрасная, как никто на свете. Она служила государю, тот ее любил безмерно. И не было таких, кто видел Вэнь-цзюнь и не восхвалял её. А потому в свете многие хотели взять её в жёны, сватались к ней, но она была ещё молода, ни с кем из мужчин не встречалась, жила затворницей.

А ещё в ту пору жил юноша по имени Сян-жу. Он был молод, собою красавец, а ещё играл на цитре, как никто на свете. Не было таких, кто слышал бы его и не растрогался.

И вот, как-то раз Сян-жу перед занавесом играл на цитре, а Вэнь-цзюнь из-за занавеса слушала его – и было это так трогательно, прекрасно безмерно! Не могла она сдержать чувства, до поздней ночи спать не шла, всё слушала. И Сян-жу это понял, играл как можно лучше.

Вэнь-цзюнь, слушая его, влюбилась без памяти, и когда стемнело, вышла из-за занавеса, встретилась с Сян-жу. Тот много лет всем сердцем любил её, и теперь, встретившись, рад был безмерно, взял Вэнь-цзюнь на руки и тайно унёс из дворца. Принёс её домой, они дали друг другу крепкую клятву, стали мужем и женой, а в свете о том не знали. Поэтому, когда отец Вэнь-цзюнь просыпал, что она исчезла, всполошился, стал повсюду её искать – и не нашёл.

Потом прошло два года, отец Вэнь-цзюнь всё-таки просыпал о ней. Обрадовался, послал ей одеяло и тридцать тысяч монет.

Вэнь-цзюнь не сдержала чувств, влюбилась, вышла на свидание – и вот как всё обернулось! – говорили люди той поры. Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Хань-шу» (57); похожие эпизоды есть в «Кара-моногатари» (5), «Мо:гю:» и «Мо:гю:-вака» (5), «Дзиккинсё:» (5–14) и др.

Сыма Сян-жу 司馬相如 (179–117 до н.э.) прославился как музыкант и поэт. Историю его любви с Чжо Вэнь-цзюнь 卓文君 разные авторы пересказывают по-разному, но все согласны в том, что девушка влюбилась, не видя музыканта, а только слыша его игру.

10–27. Рассказ о том, как в Китае три брата продали дом, увидели, что он запустел, выкупили обратно и поселились в нём

卷 10 第 27 話 震旦三人兄弟売家見莉枯返直返住語 第廿七

В стародавние времена в Китае при династии [?] жили три брата. Старшего звали Тянь Да, среднего Тянь Сюнь, а младшего Тянь Янь. После смерти родителей братья вместе владели домом, в нём и жили. А во дворе рос багряный шиповник. Все четыре времени года он цвёл –

красиво безмерно! А потому из тех, кто видел эту диковинку, не было никого, кто не расчувствовался бы.

И вот, по какой-то причине братья посоветовались и единодушно решили: давайте продадим этот дом, деньги поделим на троих, поселимся все трое [врэзь?], уедем отсюда! И тотчас продали дом, каждый взял свою долю денег и собрались уезжать.

В тот день они решили: утром выкопаем куст шиповника, разделим натрое и увезем с собой. А ночью шиповник вдруг исчез. Утром смотрят – шиповника нет.

Тогда братья снова стали совещаться: шиповник сам собою исчез, хоть его никто не выкапывал. Это потому, что мы уезжаем отсюда! Даже деревья и травы так печалятся о разлуке. Что уж и говорить о людях! Так давайте никуда не поедем! – и тотчас выкупили дом обратно, все трое поселились в нём. И шиповник снова вырос и расцвёл, как раньше.

Значит, травы и деревья в старину были вот такими! Так передают этот рассказ.

Источник рассказа, вероятно, «Сяоцзы-чжуань» (17); похожие эпизоды есть в «Тю:ко:сэн» (1–97) и др.

«Шиповник» здесь – 荆, мубара. Имена братьев – Тянь Да 田達, Тянь Сюнь 田旬, Тянь Янь 田烟.

10–28. Рассказ о том, как в Китае государь отправился к реке ловить рыбью, увидел огромную рыбину и испугался

卷 10 第 28 話 震且国王行江鈎魚見大魚怖返語 第廿八

В стародавние времена в Китае при династии [?] государь вместе с министрами, придворными и чиновниками отправился к большой реке, что зовётся [?], чтобы приятно провести время за рыбной ловлей. На берегу реки немедля устроили множество беседок, украсили, отделали со всей пышностью.

И вот, наловили много рыбы – не сосчитать. А государь на нее смотрел, вместе с министрами и придворными доволен был безмерно. Из рыбы приготовили множество закусок, состряпали разные кушанья, собирались пировать – а день уже клонился к вечеру.

Тут взглянули на реку – а там над водой явилось что-то очень странное. Государь, а за ним и остальные, видя это, удивились, устрашились безмерно.

И тут из воды кто-то выплывает. Люди смотрят – а это огромная на вид рыбина, длиной больше дзё: [3 м]. Хоть и похожа на рыбу, но голова выглядит как человечья, детская, глаза сверкают – очень страшно! И нос, и рот – всё как у человека.

Обращается к государю и говорит:

– Увы! Сегодня ты, государь, пришёл к реке, погубил множество рыб! Отныне не убивай живых!

И голос очень страшный. Всю рыбью, что осталась, даже разделанную, люди побросали в воду. И в реке она ожила, ушла под воду. Потом и огромная рыбина скрылась под водой, исчезла из виду.

Тогда государь устрашился ещё больше, немедля собрал министров и чиновников и вернулся во дворец. Так передают этот рассказ.

Источник рассказа неизвестен.

10–29. Рассказ о том, как в Китае государи по глупости отрубили руки знатоку камней

卷 10 第 29 話 震且国王愚斬玉造手語 第廿九

В стародавние времена в Китае при династии [?] жил знаток камней, звали его Бянь Хэ.

Он добыл драгоценную яшму, преподнёс государю, государь созвал других знатоков, показал им яшму, они поглядели и говорят: эта яшма не светится, никуда не годится! Государь в великом гневе говорит: как же он мне преподнёс негодный камень, обманывает меня?! И вызвал того мастера, и велел отрубить ему левую руку.

Потом правление сменилось, другой государь взошёл на престол, тоже вызвал к себе того мастера и велел добыть яшму. Тот добыл, преподнёс, и новый государь, как и прежний, вызвал других знатоков, показал им камень, и они, как и в прошлый раз, сказали: яшма не светится, не годится. И новый государь тоже разгневался, приказал отрубить мастеру правую руку. Бянь Хэ плакал и горевал безмерно.

И опять правление сменилось, на престол взошёл третий государь. А Бянь Хэ не унялся, опять преподнёс свою яшму государю, и государь опять созвал других мастеров, показал им камень, думает: и каков же он? Велел обработать камень – а яшма сияет, как никакой камень на свете, не осталось ни уголка, куда не проник её свет. Государь обрадовался, наградил Бянь Хэ. Так Бянь Хэ при двух правлениях лил слёзы, плакал и сетовал. А при третьем получил награду и возрадовался.

Поэтому люди двух прежних государств хулили, а третьего хвалили: мудрый! Те двое государей были глупы. Им бы вникнуть, каков камень, а они понапрасну отрубили руки. Да и сам Бянь Хэ был весьма неосторожен, преподнося свою яшму. Прежние два государя ему отрубили левую и правую руки, в этот раз, если выйдет опять то же самое, отрубят голову! – пророчили люди, но Бянь Хэ всё-таки преподнёс яшму – и вышло по его замыслу.

Так и во всех делах: надо твёрдо стоять на своём! – говорили люди. Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Хань Фэй-цзы» (гл. 13), где мастеру отрубают не руки, а ноги. Вероятно, рассказ взят из «Тосиёри дзуйно:», где говорится уже о руках. Похожие эпизоды есть в «Хо:буцу-сю:», «Сангоку дэнки» (2–5), «Тайхэйки» (26), «Мо:гио:» и «Мо:гио:-вака» (2), а также во многих других японских памятниках.

Бянь Хэ 卞和, по преданиям, в древнем царстве Чу при государях Ли-ване, У-ване и Вэнь-ване (VIII–VII вв. до н.э.).

10–30. Рассказа о том, как ханьский государь У-ди отправил Су У послом к хусцам

卷 10 第 30 話 漢武帝蘇武遣胡塞語 第三十

В стародавние времена при ханьском государе У-ди жил человек по имени Су У.

Государь из-за [?] отправил его послом к хусцам. Су У долго не мог вернуться, много лет оставался там. И вот, человек по имени Вэй Люй прибыл в те края и сразу спросил у местных: Су У здесь? А местные решили скрыть, что Су У у них, и пошли на хитрость, отвечают: Су У уже умер, много лет назад! Вэй Люй понял, что они скрытничают, лгут, и говорит:

— Су У не умер, он ещё жив. Этой осенью он привязал письмо к лапе гуся и отправил государю, гусь прилетел во дворец, письмо вручили государю. Государь его прочёл и узнал, что Су У еще жив. Вы хитрите!

А местные и правда хитрили, так что теперь поняли: скрывать бесполезно. И говорят: верно, он ещё не умер. И позволили Су У встретиться с Вэй Люем.

А про письмо, привязанное к гусиной лапе, Вэй Люй солгал, зато нашёл Су У. Люди о том прослышали, были тронуты и хвалили Вэй Люя.

Стало быть, даже лгать нужно сообразно случаю. Вэй Люй солгал хитроумно! Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Хань-шу» (54); возможно, взят он из «Тосиёри дзуйино:»; похожие эпизоды есть в «Тю:ко:сэн» (1–71), «Хо:буцу-сю:», «Дзиккинсё:» (6–5), в «Мо:гю:» и «Мо:гю:-вака» (3), «Хэйкэ-моногатари» (2), «Гэмпэй дзё:суйки» (8) и др.

10–31. Рассказ о том, как в Китае два царства грозили друг другу войной

卷 10 第 31 話 二国互挑合戦語 第卅一

В стародавние времена в Китае было два царства. Одно называлось [?], а другое [?].

Эти два царства не ладили, без конца угрожали друг другу. Каждое хотело напасть и победить, но у обоих было много войск, ни одно не побеждало и не уступало, так прошло много лет. И вот, в царстве [?] умер царь. У него был наследник, но ещё малолетний, вести войска на соседнее царство не мог.

Тогда воины в его царстве все решили: чем оставаться в этом царстве и понапрасну лишиться жизни – лучше поступим иначе, переметнемся к соседнему царству! Пока здесь был государь, под его крылом мы прятались, нас не разбивали. Сейчас есть царевич, но он ещё мал, ничего по сути не знает. Если не переметнёмся, нас убьют, сомнений нет! Чем ждать его приказа и слушаться, лучше уйдём и обратимся против него. Окажемся сейчас хоть ненамного впереди прочих – получим награду! Так они говорили, и многие, опасаясь, как бы их не победили, не посрамили, ушли в соседнее царство, а здесь людей не осталось. Да и те, кто хотел сражаться, колебались. Когда соседний царь

нападёт, склоним головы, сдадимся! – так они думали, и настрой их был виден.

Царь соседнего царства, прослышиав о том, молвил:

– Чем идти на то царство, я просто вызову к себе их царевича, пошлю за ним, уклониться он не сможет!

И отправил гонца, передал: я слышал, в вашем царстве есть царевич. Пусть скорее прибудет ко мне и покорится мне! И тогда я позволю ему править в его царстве. А если не приедет – снесу ему голову!

Кто остался в этом царстве, слыша такое, испугались, устрашились, министры и придворные говорят царевичу:

– Господин, если хотите править царством, вам надо для начала сберечь вашу жизнь. Если лишитесь жизни – что пользы вам будет от царского сана? Допустим, вы решите остаться здесь: я же, дескать, царевич этого царства! Но наше царство слабо, тысяча наших воинов не сравнятся с одним их воином. Они – разделочная доска, а мы – рыба на ней, мы не сможем отбиться, если они нападут. Поэтому скорее поезжайте во вражеское царство: и сами уцелеете, и страной будете управлять. Вот всё, что вам остаётся!

Так они его убеждали, а царевич им:

– Кто знает стыд, того считают человеком. Сохранить жизнь, говорите? Нет таких, кто в итоге не умер бы. Кун-цызы был мудр – и умер. Разбойник Чжи был отважен – и умер. Так что люди смертны, в итоге никуда от этого пути не деться. Остаться в живых и позволить им топтать могилу моего отца – чего ради? Я ни за кем не последую, буду ждать дня смерти, а от царского сана откажусь.

Но не похоже было, чтобы он решил покориться.

Министры и придворные слушают его и думают: если мерить по годам, наш царевич едва вышел из пелёнок. А помыслов у него – на великое царство! Мы много лет служим при дворе, стараемся, не ленимся, как нам казалось, но сегодня оказались не под стать нашему молодому господину. Господин никуда не едет, вот так не жалеет своей жизни. Так неужто мы станем жалеть себя?! А другие со страху растерялись.

И вот, царевич вызвал к себе вражьего гонца, велел одному воину взять меч для обезглавливания и говорит гонцу:

– Надо было бы на месте срубить тебе голову, но если ты умрешь – кто передаст мой ответ вашему царю? Так что живи и смотри!

Взял соломы, соорудил из неё подобие человека, дал ему имя царя той страны. Назвал и своё имя, объявил: я, царевич этого царства, срубаю голову вражьему царю! – и срубил голову соломенному чучелу. А что до гонца – вызвал своего военачальника, велел ему сделать вид, будто он готов обезглавить гонца, а потом выгнал гонца вон.

Гонец вернулся в своё царство, всё это рассказал. Царь выслушал и в великом гневе поднял несметное войско, выступил в поход, перешёл границу соседнего царства и снова послал за царевичем.

Царевич это услышал, но ни единого воина подымать не стал. И виду не подал, что боится, только передал гонцам ответ: скоро выступаю.

Тогда те министры и придворные, что раньше уговаривали его покориться, говорят: так тому и быть! И все переметнулись к вражьему [царю]. Или остались и готовились вместе с царевичем лишиться жизни, молились, глядя в небо.

Царевич, собираясь в путь, взял с собой две скамьи на высоких ножках, бутылку, тушечницу, тушь и кисть. Велел нести всё это двум отрокам, причёсанным ещё по-детски. Прибыл на место, там поставили одну скамью, и царевич уселся на неё, свесив ноги. Перед ним поставили вторую скамью, на одной скамье поставили бутылку, а на другой тушечницу, и в тушечнице растёрли тушь. Тут огромное вражье войско, глядя на это, стало стучать по щитам, хохотать безмерно. Царь думает: это он решил покориться мне, собирается написать грамоту и мне вручить. Вот зачем он приготовил тушечницу, тушь и кисть. И ещё думает: если бы собрался защищаться, он бы всего этого не доставал. Посмотрю, что он будет делать, а уж там снесу ему голову. Смотрит – а царевич велел растереть тушь, окунул кисть и провёл черту по горлышку бутылки.

Потом отложил кисть, вытащил меч, приставил к горлышку бутылки, обратился к вражескому царю и говорит:

– Все твои воины, сколько их там у тебя, не стоят одного моего меча. Ты, царь, и вы, воины, посмотрите на свои шеи! Та черта, что проведена по горлышку этой бутылки, проведена по шее каждого из вас. Если я одним ударом снесу горлышко бутылки, я по этой же черте срублю вам головы!

Тут царь, а за ним и все его воины, сколько их было, слыша такое, стали смотреть друг другу на шеи – и не было никого, у кого не была бы проведена черта. У царя и у всех шея обведена тушью, как горлышко бутылки. А царевич, сверкая глазами, приготовился ударить по горлышку бутылки.

Тогда вражеский царь тотчас спешился, соединил ладони, обратился к царевичу. И все его воины поснимали тетивы с луков, побросали мечи, легли лицом в землю. Царь взмолился:

– Отныне я тебя, царевич, буду слушаться как господина! Прошу, царевич, пощади мою голову!

Тогда царевич поджёг ручку кисти, взял в руку, назвал своё имя и провозгласил:

– Я восхожу на престол!

И вражеский царь назвал своё имя и объявил: я служу тебе. Покорился и вернулся восьмойси.

Вот такие редкостные царства! Так передают этот рассказ.

Источник рассказа неизвестен; исследователи предполагают, что несмотря на упоминание Конфуция и Разбойника Чжи, история эта – западного происхождения, индийского или даже еще более дальнего, ближневосточного или европейского. Похожий эпизод с отбивающим горлышком бутылки есть в «Хэйкэ-моногатари» (свиток 1, гл. 12). Разбор разных толкований рассказа см. в статье [Цай 2019]; она опирается на изыскания Минаката Кумагусу (1867–1941) – японского ученого-энциклопедиста (особенно важными считаются его работы по биологии), знатока древних и новых европейских языков, энтузиаста изучения японской словесности в ее связях с традициями других народов мира.

Цай Цзя-ци 蔡嘉琪. Кондзяку моногатари-сю: Синтан-бу кэн дзю: «Футацу-но куни тагани ко:сэн-о идомэру кото» рон – Минаката Кумагусу-но какикоми-о китэн-то ситэ 『今昔物語集』震旦部卷十「二国互挑合戦語第三十一」論：南方熊楠の書き込みを起点として [К толкованию «Рассказа о том, как в Китае два царства грозили друг другу войной» в китайской части «Собрания стародавних повестей» (10–31): по заметкам Минаката Кумагусу] // Нихонго Нихон бунгаку. 2019. Вып. 48. С. 67–85.

10–32. Рассказ о том, как в Китае воры пробрались в государевы кладовые, украли сокровища, и сын убил отца

卷 10 第 32 話 震旦盜入国王倉盜財殺父語 第卅二

В стародавние времена в Китае при династии [?] у государя были огромные кладовые, там хранились его сокровища.

В эти кладовые, чтобы украсть сокровища, забрались двое воров, отец и сын. Отец вошёл внутрь, брал сокровища и подавал, а сын стоял снаружи и принимал.

И тут явилась охрана кладовых. Сын, стоя снаружи, заметил их издали и думает: если кто и подойдёт, я убегу, меня не поймают. А отец внутри, убежать не сможет, его непременно схватят. Чем ему жить в позоре, лучше уж я убью отца, и люди не узнают, кто он! Так решил сын, подошёл ближе, говорит отцу: сюда идут, что делать? Отец услышал, высунул голову наружу: где, где они? Сын мечом срубил ему голову, тело бросил, а голову забрал и убежал.

Тут охрана проходит мимо кладовых, видит: дверь взломана. Похоже, кто-то зашёл внутрь. Всполошились, засуетились, поднялись внутрь, ищут – а там льётся кровь! Удивились, пригляделись хорошенько – там мертвец без головы. И множество сокровищ исчезло.

Тогда обо всём этом доложили государю. Тот молвил:

– Мертвец без головы, найденный в сокровищнице, – это вор. Их было двое, отец и сын, отец забрался внутрь и подавал сокровища, а сын стоял снаружи и принимал. Тут пришли люди, и чтобы отца не схватили – ведь выбежать наружу он не успел бы – сын срубил отцу голову, чтобы непонятно было, кто это такой, а сам сбежал.

Государь всё это понял. А по обычаям того царства умерших всегда хоронили в три дня после смерти, не выбирая хороших и дурных дней. Так что царь велел: вынесите этого обезглавленного мертвеца, положите на перекрёстке, а кто-нибудь пусть тайно наблюдает.

Вор увидел, что отца его вынесли и бросили на перекрёстке, понял: его непременно кто-то сторожит! И ближе к вечеру устроил вот что: раздобыл вина, от которого люди легко пьянеют, налил в несколько бутылок, прихватил закуски, изменил себе внешность, взял угощенье и пошёл мимо мертвого тела. Соглядатаи к вечеру устали сторожить, сильно оголодали, и когда прохожий с выпивкой и закусками шёл мимо, остановили его, крепко напились.

А ещё вор сделал вот что: нагрузил повозку хорошо просушенными дровами, такими, что загораются сразу, едва поднесёшь огонь. Впряг в повозку вола и поехал по той дороге. Когда проезжал мимо мёртвого тела, в темноте будто бы по ошибке опрокинул воз дров на мертвеца.

Возчик говорит: я страшно оплошал, сейчас позову людей, мы вместе всё уберём! – оставил дрова и уехал.

Соглядатаи были крепко пьяны, спали, закинув головы, ничего этого не заметили. И никто не заподозрил неладного, люди шли по дороге с факелами, проходили мимо мертвеца, посветили на него, дрова загорелись. Соглядатаи спят, ничего не знают, а мертвое тело сгорело.

И вот, [просыпаются] соглядатаи – а [мертвеца] нет, только пепел. Испугались, растерялись: [горе] нам, нас обвинят и отрубят нам головы! Доложили государю, тот соглядатаев винить не стал, только молвил: этот вор – весьма хитрый малый!

А ещё по обычаям того царства после похорон родителей дети всегда совершают омовение в реке, непременно в три дня. Вор точно придёт на омовение! Так что с нынешнего дня и до послезавтра нужно схватить всех, кто будет совершать омовение в реке. Так приказал государь и добавил:

– Если выставить стражу, вор нипочём купаться не станет. Так что пусть воины наготове ждут поодаль, а у реки сидет молодая женщина и наблюдает. Если кто придёт и полезет в реку, пусть женщина подаст знак, тогда воины его окружат и схватят.

Так решил государь. Женщина села наблюдать. Пришёл мужчина, начал заигрывать с нею, они легли вместе. Потом поднялись, мужчина говорит: очень жарко, пойду искуплюсь! И спустился к реке, окунулся, вышел – и снова к ней: видно, крепко влюбился! Говорит по-хорошему: встретимся здесь же! – и ушёл. Женщина думает: а в реку-то он окунулся. Но людей не позвала, и так прошло три дня. Государь спрашивает: ну, что? Ему докладывают: никто на омовение не приходил. Государь думает: очень странно! Допросил женщину, она говорит:

– На омовение никто не приходил. Пришёл один человек, обещал на мне жениться, мы легли вместе, потом он сказал: жарко, пойду искуплюсь! Спустился к реке, вернулся, на прощанье сказал: встретимся здесь же! И ушёл. Но я не думаю, что он совершил омовение.

Государь выслушал и говорит:

– Это точно он! Он морочит нас, каждый раз подстраивает какую-то хитрость, до чего досадно!

И запер женщину, чтобы она не сошлась ни с кем другим. Государь подозревал, что она понесла дитя от этого вора. И догадка его сбылась: женщина забеременела. Государь рад был безмерно. В должный срок она родила мальчика. А по обычаям того царства, у кого рождается сын, тот всегда, даже если не уверен, точно ли ребёнок от него, в три дня приходит его проведать, и отец непременно целует сына. Стало быть, раз эта женщина забеременела и родила, надо схватить того, кто поцелует её ребёнка. Для этого её и держали взаперти, не давая сойтись с другим женщиной. И теперь её с младенцем на руках выпустили на рынок, государь велел стражникам: если подойдёт мужчина и поцелует этого ребёнка, непременно схватите его! Но никто не подходит целовать дитя.

И вот, появляется мужчина, несёт колобки моти. Увидел ребёнка, говорит:

– Какой прекрасный мальчик! Скушай колобок!

Разжевал колобок и положил в рот дитяти. Даже мать решила: он просто залюбовался моим сыном, вот и угостил его. И те, кто должен был схватить вора, решили так же, и не схватили его. И женщина не узнала отца своего ребёнка.

Государь опять расспрашивает, ему говорят: никто дитя не целовал, вот никого и не схватили. Подходил только один человек: залюбовался младенцем, разжевал колобок и положил ему в рот. Государь это услышал, страшно досадовал, но теперь уж ничего не мог поделать.

Через несколько лет и месяцев прошёл слух: в соседнем царстве кто-то поднял войска, разгромил тамошнего царя и взошёл на престол. Государь думает: эти хитрости уму непостижимы! А новый государь-сосед прислал письмо: хочу жениться на твоей дочери! Государь сразу согласился, назначил день встречи. День настал, царь-сосед явился с несметным войском. Здешний государь хлопотал безмерно. Он любил дочь и дорожил ею, и вот, отдал замуж.

Прошло три дня, царь-сосед вместе с супругой собрался возвращаться восвояси. Государь-тёст увиделся с зятем, за беседой приблизился и тихонько спрашивает:

— Это ты в прежние годы забрался в мои кладовые и украл сокровища? По всему, что я слышал о твоих замыслах, я думаю: это ты. Не скрывай же!

Зять это услышал, рассмеялся и говорит:

— Да, это я. Но не надо тревожить прошлое!

И вместе с царицей уехал к себе. А государь-тёст думает: этот удивительный человек своими хитростями в итоге меня одолел и даже женился на моей дочери!

Позже другие цари этого государя не презирали. Это всё из-за достоинств царя-зятя! Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Фаюань чжулинь» (31), похожие эпизоды есть в «Гэмпэй дзё:суйки» (20). Рассказ похож на один из эпизодов «Истории» Геродота (II–121); как японский рассказчик мог познакомиться с этим источником, остается неясным. У Геродота действие происходит в Египте, воры – не отец и сын, а братья.

10–33. Рассказ о том, как государь прекратил жертвоприношения живых и умиротворил свою страну

卷 10 第 33 話 立生贊国王止此平国語 第卅三

В стародавние времена в Китае при династии [?] жил человек по имени [?]. А к северу от Китая лежала большая страна [?].

Человек стал царём той страны, отправился туда. Въехал в её пределы, спрашивает у местных жителей: что творится в вашей стране в этом году? Почему, хотя страна обширна, народа мало, земли запустели? Местные отвечают:

— В нашей стране издревле и доныне каждый год случается большое бедствие. Вот почему людей мало, дома пустуют.

— Что за бедствие? – спрашивает государь.

– Издревле в нашей стране обитает могучее божество. Каждый год спрятывают ему обряд. Для обряда выбирают девушку из знатной богатой семьи лет пятнадцати или шестнадцати, красивую и ещё незамужнюю, со дня обряда она постится, блюдет чистоту за священным вервием, а на следующий год ко дню обряда собирают всяческие сокровища для бога, девицу наряжают, сажают в носилки, несут к берегу моря и грузят на корабль и отпускают в море, корабль тотчас идет ко дну. Так девица поступает на службу богу, становится его женой. Жители страны скорбели о том, вот их следов тут и не осталось. А если девица плохо соблюдает очищение, её семья гибнет, а в стране начинается великое наводнение, людей уносит потоком, смывает деревни. Вот почему трудно здесь сберечь народ!

– Раз так, – говорит государь, – надо блюсти пост хорошенъко! А потом справить обряд.

Люди это услышали, устрашились ещё больше, растерялись безмерно.

Потом прошли дни и месяцы, настал срок обряда. Тогда государь молвил: я сам прибуду! А потому по всей стране поднялась суматоха: расстилают парчу, готовят драгоценные ожерелья. Для государя это первый обряд, так что всё устраивают особенно роскошно. Все чиновники без исключения явились служить ему. И вся страна собралась посмотреть.

Царь видит: драгоценные носилки обтянуты разноцветной парчой, украшены со всей пышностью. Множество людей окружает их, шествует впереди и позади. Рядом едут жрицы верхом на конях. А ещё служители со знамёнами, копьями, опахалами, ветвями священного дерева, их так много – не сосчитать. Следом за шествием едут в повозках родители девицы и вся её родня, плачут, провожают её. Государь на это глядит и думает: каково должно быть её отцу и матери! Очень ему стало жаль, сердце и нутро словно бы разрываются.

Тут царь говорит:

– Остановите-ка носилки ненадолго. Нынешнее жертвоприношение – первое с тех пор, как я взошёл на престол, я сам взгляну на жертву.

Тогда жрицы спешились, склонились, все почтительны безмерно. Государь подошёл, поднял дверцу носилок, глядь – а там за парчовой занавесью золотое сиденье, а на нём прекрасная девушка лет пятнадцати или шестнадцати: высокая причёска украшена каменьями, лицо девица прячет за драгоценным веером и плачет неутешно.

Государь её увидел – и сам опечалился безмерно, залился слезами, с горечью говорит:

– Погодите. Девица-то – редкая уродина! Это всё затем, чтобы опозорить меня! Я же велел мой первый обряд подготовить хорошенъко, сам явился на него! Разве прежде люди так спрашивали этот обряд? [?] Если выбирали столь безобразных девиц – конечно, страна вымирает, а бог гневается! Эта даже мне в служанки не годится. Надо скорее заменить её!

Тут все испугались, устрашились безмерно.

А государь подозвал одну жрицу, спрашивает:

– Где пребывает бог?

– Бог обитает на дне морском, – отвечает жрица. – Но в день обряда является сюда, забирает девицу. В этот час подымается ветер, встают волны, лик моря весьма грозен. Так мы и понимаем, что девица принята. А если иначе – понимаем, что не принята.

Государь молвил:

– Значит, так. В этот раз обряд отменим, объясним причину, выберем новый удачный день, подготовим жертву и преподнесём, так я думаю. Скорее объясни богу, в чём дело!

– Как же я объясню? – спрашивает жрица.

А государь ей:

– Вы, жрицы, годами служили богу, говорили людям: бог велит так-то и сяк-то. Как же вы не знаете, где его искать?

Тут лик моря стал весьма грозен, поднялись высокие волны. Государь говорит:

– Вот! Бог уже здесь, скорее ступай к нему, объяснись и возвращайся!

И усадил жрицу в разбитую лодку, отпустил в море. Лодка тотчас стала тонуть, жрица пошла ко дну.

А государь говорит:

– Она сейчас предстала перед богом. Но что-то долго не возвращается!

Подозвал вторую жрицу:

– Солнце уже высоко, а та жрица почему-то замешкалась. Ступай теперь ты! – и вторую жрицу схватил за шею и столкнул в море, та тоже исчезла из виду. Странно! – говорит государь, и одну за другой всех жриц до единой побросал в море.

А потом молвил:

– Когда услышим ответ от бога, тогда найдём хорошую девушку и справим обряд!

А эту девицу взял с собой, вернулся во дворец и сделал её своей женой. Люди по всей стране, видя такое, растерялись, весьма устрашились.

Государь же велел по всей стране выкопать пруды, распорядился: отводите воду в них, а если вдруг будет засуха – берите воду на поля. А когда пойдут дожди, начнётся наводнение – отворите дамбы и спустите воду.

Родители девушки и все её родные рады были безмерно. Она стала государыней, ею дорожили, как никем другим. С тех пор дожди выпадали и ветра дули в свой срок, дела в стране шли, как людям хотелось, народ умиротворился, страна процвела, и кары никто не боялся.

А жриц в той стране больше не было. Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Ши-цзи» (гл. 126), похожий эпизод есть в «Мо:гю:» и «Мо:гю:-вака» (14); ср. в «Кондзяку» рассказы 26–7 и 26–8.

В «Ши-цзи» речь идёт не о государе, а о правителе одной из пограничных областей царства Вэй; девиц отдают в жёны не морскому, а речному божеству.

10–34. Рассказ о том, как отшельник надругался над государыней, государь его покарал, а он стал небесным псом

卷 10 第 34 話 聖人犯后蒙国王咎成天狗語 第卅四

В стародавние времена в Китае при династии [?] в местах, что зовутся [?], вдали от людей в глубине гор в укромной долине жил отшельник: построил себе хижину из веток, затворил дверь, ни с кем не знался, так провёл много лет. За годы подвижничества он накопил такие силы, что ему служили боги-защитники Закона; он посыпал в полёт свою чашу и так добывал еду, пускал по воде кувшин и так набирал воду. А потому, хоть никто из людей не служил ему, он ни в чём не знал нужды, имел всё, чего хотел.

И вот этот отшельник прочёл в книге рассказ о супруге государя. И за что же её так восхваляют? – задумался он и тотчас решил на неё посмотреть. Это же не небесная дева из иного мира, просто государыня здешних мест, вот бы взглянуть на неё! – эта мысль ему надолго запала в сердце. А поделать он ничего не мог.

Тогда отшельник в тайной книге нашёл рассказ о клятве почитаемого Фудо, Неподвижного. Там говорилось: я исполню любое желание подвижника, даже если он слуга, а хочет заполучить супругу государя. Прочитав эту клятву, отшельник не смог сдержать любовных помыслов, решил попробовать – и отдался под власть Фудо.

Тут явился Кукара, служитель Фудо, отшельник заговорил с ним и признался: есть у меня давнее желание, вот бы его исполнить! Служитель молвил:

– Я изначально дал клятву – если люди на меня надеются, нет таких желаний, каких я не исполню! Служить подвижнику – все равно что служить будде. В мире будд нет лжи. Какое бы ни было у тебя дело – разве могу я нарушить клятву?

Подвижник это услышал, обрадовался и говорит:

– Я давно уже возложил свои надежды на почитаемого Фудо, один жив в глубине гор, усердно подвижничаю. И других помыслов не имею. Но мне очень хочется увидеть, каковы те женщины, что зовутся государевыми жёнами. Вот если бы ты доставил сюда одну из трёх тысяч жён нынешнего государя, самую красивую!

Кукара молвил:

– Дело нехитрое! Завтра к ночи непременно её сюда доставлю! – поклялся так и отбыл восвояси.

Отшельник после этого обрадовался, и рассвет для него занимался слишком медленно, и день клонился к закату слишком долго. Как услышал слова Кукары – ни о чём другом и думать не мог. Все мысли в уме смешались. Наконец, наступила ночь, он ждёт: сейчас, сейчас!

И едва стемнело, горы наполнились благоуханием – другого такого на свете нет! Что это? – думает отшельник, приоткрыл дверь, выглянул – а там женщина, подобная небесной деве! Кукара её ведёт к хижине – а наряд её чудесно украшен золотыми подвесками, серебряными [?], всяческими драгоценностями. Увшана сотней и тысячей ожерелий, одета в парчу всех оттенков, увенчана всевозможными цветами, и платье всё в цветах. Всеми сокровищами изукрашена, а благоухает так, что не с чем и сравнить. Китайская государыня непременно бывает

надушена так, чтобы аромат чуялся за тридцать шесть тё: [4 км]. А как пахло в той тесной хижине – можно представить! Подвески на ожерельях звенят, соударяясь, звучат в лад. Волосы подняты в высокую причёску, заколки из драгоценных каменьев в виде бабочек и птичек, словами не опишешь! И весь наряд сверкает в свете огня, будто государыня сама излучает сияние. А лицо прячет за веером. Словно небожительница сошла с неба! Лицо её подобно луне на восходе над горным лесом. Сама не своя, похоже, боится – воистину жалко! Беспримерная красота!

Отшельник её увидел – и сердце опрокинулось, нутро перевернулось. Всё, чего он достиг годами подвижничества, сразу рухнуло, одолеть желания не может. Кукара выбрал из государевых жён самую молодую и красивую, другой такой на свете нет. Была бы и хуже – всё равно отшельнику показалась бы такой. Что уж и говорить о несравненной, лучшей в стране! Отшельник, не чуя сердца и нутра, взял её за руки – а государыне от него деться некуда. Очнулась в горах, в безлюдном месте, словно бы во сне, только плачет от страха. Никогда не видела прежде таких хижин, отшельник на вид весьма страшен – она совсем растерялась, а уж когда он схватил её за руки, только плакала без конца, едва живая. Будто вишня в цвету поникла под дождём!

Тут отшельник сам залился слезами, хоть и боялся, как будды отзовутся на такое, но не одолел многолетнего своего желания и в итоге надругался над государыней. Когда рассвело, явился Кукара, забрал её и удалился. А отшельник после этого не думал ни о чём другом, тосковал и печалился, на сердце у него была только государыня.

Вечером снова явился Кукара, встретился с отшельником, молвит: привести тебе опять эту? Или хочешь поглядеть на других государынь? Отшельник говорит: приведи эту же! Кукара, как в прошлый раз, привёл ей, отшельник говорит: хорошо, что она здесь! И снова на рассвете Кукара забрал её. Так продолжалось много месяцев, в итоге государыня забеременела.

А государь всех своих жён, три тысячи, конечно, не помнил. И вот, наведался к этой жене – а она, похоже, беременна. Государь молвит: ты супруга государя – и сошлась с другим мужчиной? Кто он? Государыня отвечает:

– По своей воле я ни с кем не сходилась. Но [?] случилось нечто очень странное!

– Что? – спрашивает государь.

– Несколько месяцев назад среди ночи вдруг явился отрок лет пятнадцати или шестнадцати, хватает меня и словно бы взлетает, уносит далеко в горы, а там в тесной хижине отшельник, страшный на вид, я очень его боюсь. Тяжко, но бежать некуда, вот я с ним и сблизилась, и само собой вышло так...

Государь спрашивает:

– Как тебе кажется, в какую сторону тебя уносят и как далеко?
– Не знаю, в какую сторону. Отрок мчится быстрее птицы, примерно за час, должно быть, долетает до очень дальних мест.

– Нынче ночью, – говорит государь, – когда он прилетит за тобой, возьми в ладонь растёртой туши и захвати мокрой бумаги, а в хижине оставь на двери отпечаток руки.

Государыня так и сделала, как он научил.

А Кукара явился к отшельнику и молвил:

– Отныне надо это всё прекратить. Иначе быть беде!

– Что бы ни случилось, – говорит отшельник, – приведи её сюда, как раньше!

– Ну так не досадуй потом! – сказал Кукара и, как раньше, доставил к нему государыню. А она, не подавая вида, растворила тушь на мокрой бумаге и оставила на двери отпечаток ладони. Когда рассвело, Кукара, как обычно, явился и унёс её обратно.

Наутро государь приходит к государыне, расспрашивает, она говорит: так, мол, и так, я оставила отпечаток. Тогда государь снова смазал ей ладонь тушью, отпечатал на нескольких листах бумаги, призвал своих людей, раздал им эти листы и повелел:

– В нашем царстве где-то далеко в горах должно быть жилище отшельника, там есть вот такой отпечаток руки. Ищите хорошенъко, а как найдёте, возвращайтесь.

Посланцы приняли приказ, обшарили все горы по четырём сторонам света и по четырём углам, в итоге нашли хижину того отшельника. Там отпечаток руки, сравнили – совпадает в точности! Вернулись, доложили государю. Тот выслушал и молвил:

– Этот отшельник надругался над государыней. Его грех – не из лёгких! А потому надо его немедля сослать в дальние земли.

Так решил государь и сослал отшельника в место, что зовётся [?]. Отшельник в ссылке горевал, тосковал, в этих думах и умер. И тотчас стал небесным пском, тэнгу. Многие небесные псы последовали за ним, он сделался их царём.

А другие тэнгу говорили: этого тэнгу государь покарал, он умер в ссылке! И не стали иметь с ним дела. Тогда царь тэнгу взял с собой сто тысяч верных ему небесных псов и перебрался в другую страну. Так передают этот рассказ.

Источник рассказа неизвестен; ср. в «Кондзяку» рассказы 20–1, 20–2 и 20–7.

Фудо: 不動, Неподвижный, санскр. Ачаланатха, почитается как защитник буддийского обряда и помощник в усмирении страстей. Кукара 宮迦羅, санскр. Кимкара – один из двух спутников Фудо:, изображается в облике прекрасного отрока.

10–35. Рассказ о том, как государь велел построить каменную пагоду в сто дзё:, а потом пытался убить зодчего

卷 10 第 35 話 国王造百丈石卒堵婆擬殺工語 第卅五

В стародавние времена в Китае жил зодчий, он мог построить каменную пагоду высотой в сто дзё: [300 м]

Тогдашний государь велел мастеру построить каменную пагоду в сто дзё:, и когда она была уже готова, государь подумал: я построил эту каменную пагоду, как и хотел. Это весьма радует. Но что, если мастер уйдёт в другую страну и там построит пагоду выше? Стало быть, надо скорее убить мастера! Так государь решил, а мастер был ещё наверху пагоды, и пока он не спустился, государь велел немедля сломать строительные леса вокруг нее.

Мастер не может спуститься, думает: странно! Сижу я понапрасну наверху пагоды, ничего поделать не могу. Но мои жена и дети, должно быть, уже слышали, что со мной. А если слышали, непременно придут посмотреть. Они не захотят, чтобы я погиб без вины! – так он думал, звал во весь голос, но вершина пагоды с земли не видна, голос оттуда не слышен – сил не хватает!

А жена и дети прослышали, что случилось с мастером, пошли к подножию пагоды, ходят вокруг, смотрят – сделать ничего не могут. Но жена думает: не такой человек мой муж, чтобы погибнуть, не найдя выхода. Он что-нибудь придумает! Так она ходила вокруг пагоды, глядь – сверху свисает тоненькая ниточка, ветер ею играет: это мастер наверху всю свою одежду раздёргал на нитки, связал их вместе, один конец закрепил наверху, а другой конец спустил вниз. Жена внизу увидела, думает: это знак от моего мужа, как помочь ему спуститься! Слегка дёрнула ниточку, муж наверху это заметил, понял и тоже дёрнул.

Жена это видит, думает: так и есть! Побежала домой, собрала все нитки, что были у неё напрядены, принесла, привязала к ниточке. Муж потянул наверх, жена подавала снизу, и так он постепенно вытянул наверх крепкую нитку. А когда муж за неё ухватился, жена внизу к той нитке привязала тонкую верёвку, муж и её втянул наверх, а жена внизу привязала верёвку потолще, а когда втянул и её, в этот раз привязала толстый канат в три или четыре жилы. Муж и его втянул к себе, по канату смог спуститься и сбежал.

А государя, что велел построить пагоду, все брали: не обрёл он заслуг! Так передают этот рассказ.

Источник рассказа – «Дайсё:гонрон-кё:» 大莊嚴論經 («Сутраланкара-шастра», ТСД 4, № 201, 346б), действие перенесено из Индии в Китай.

10–36. Рассказ о том, как старуха каждый день смотрела на пагоду и увидела кровь

卷 10 第 36 話 婦毎日見卒堵婆付血語 第卅六

В стародавние времена при династии [?] в Китае в краю [?] на вершине большой горы стояла пагода, а у подножия – деревня. В той деревне жила старуха лет восьмидесяти.

Эта старуха раз в день непременно поднималась на гору к пагоде и кланялась ей. А гора огромная, высокая, подняться от подножия до вершины – трудно, склон крутой, дорога дальняя. Но старуха и в дождь не боялась, и при сильном ветре не мешкала, и грозы не страшилась, и в зимние лютые холода, и в летнюю нестерпимую жару не пропускала ни дня, ходила поклониться пагоде.

Так прошло много лет. Люди глядели на неё и не понимали, в чём причина такого упорства. Она просто чтит пагоду, – думали все. Однажды летом было очень жарко, молодые парни и подростки поднялись на гору прохладиться возле пагоды. И тут старуха, согнувшись пополам, опираясь на посох, обливаясь потом, взобралась на гору, обошла вокруг пагоды, всю её осмотрела. Парни думают: она просто обходит пагоду. Но как-то странно старуха вокруг неё ходила, и

ребята, пока отдыхали, видели её не однажды, а много раз. Толкуют меж собой: зачем старуха так надрываеться? Если придёт сегодня – спросим!

Так они договорились, и вот, старуха, как всегда, еле-еле взобралась на гору. Ребята у неё спрашивают:

– Зачем, бабушка? Нам, молодым, трудно сюда ходить, даже чтобы прохладиться: хотели отдохнуть, да не смогли. Но ты-то старенькая, каждый день ходить вверх-вниз – весьма удивительно! Объясни, в чём дело!

Старуха им:

– Вам, молодым, и в самом деле удивительно, я думаю! Я прихожу сюда посмотреть на пагоду, не то чтоб это недавно началось. Тому уж семьдесят лет, как я начала понимать, что к чему, и с тех пор каждый день поднимаюсь сюда и смотрю.

– Так поведай, в чём причина! – говорят парни.

– Мой отец, – отвечает старуха, – умер ста двадцати лет от роду. А дед умер в сто тридцать лет. А его отец и дед – в двести лет с лишним. Они завещали: когда на пагоде покажется кровь, эта гора рухнет, на её месте развернется морская пучина! Так говорил мне отец. Я живу у подножия горы, если она обвалится, я погибну под обломками. Вот я и думаю: если увижу кровь, успею убежать. Затем и хожу сюда каждый день смотреть на пагоду!

Парни это услышали, смеются, говорят в шутку:

– Страшное дело! Ты уж и нам скажи, когда гора рухнет!

А старуха не поняла, что над ней потешаются, говорит:

– А как же! Я не хочу одна уцелеть. Как не сказать!

Обошла пагоду, осмотрела и пошла вниз, восвояси.

Потом парни говорят меж собой: сегодня старуха уже не придёт. Завтра явится опять, увидит кровь на пагоде, испугается, побежит – то-то смеху будет! Раздобыли крови, измазали пагоду, а сами вернулись домой, рассказывают односельчанам: эта старуха с подножия горы каждый день поднимается на вершину, осматривает пагоду – странно! Мы спросили, в чём дело, она ответила так-то и так-то. Завтра она испугается и побежит: мы вымазали пагоду кровью, перед тем как спускаться!

Сельчане это услышали, говорят: вон как, гора, виши ли, рухнет! – потешаются без конца.

Старуха назавтра поднялась на гору, видит: вся пагода в пятнах крови. Старуха заметалась, всполошилась, прибежала в деревню, кричит:

– Соседи! Скорее уходите из деревни, спасайтесь! Гора сейчас рухнет, развернется морская пучина!

Так она всех обошла, оповестила, а сама вернулась домой, собрала детей и внуков, они схватили свои пожитки и убежали из деревни.

Глядя на неё, те парни, что вымазали пагоду кровью, дружно хохотали и потешались, ни над чем ещё им не доводилось так смеяться. Но тут то ли ветер налетел, то ли гром загремел – сделалось что-то страшное, небо потемнело, стало странно и жутко.

Тут гора содрогнулась. Что это, что такое? – зашумели люди. А гора стала рушиться. Тогда люди говорят: а ведь старуха была права!

Стали разбегаться кто куда, дети не знали, куда побежали родители, родители не видели, куда делись дети. Что уж и говорить о домашнем скарбе! Ничего с собой взять не успели, кричат, зовут друг друга. А старуха с детьми и внуками были вместе, ничего из имущества бросать не пришлось, успели уйти и спокойно поселились в другой деревне. А кто смеялся над ней, убежать не успели, все погибли.

Стало быть, надо верить тому, что говорят старики! Гора обрушилась, обратилась в морскую пучину. Удивительное дело! Так передают этот рассказ.

Источник рассказа – возможно, «Хайнань-цзы» (2) или «Сошибэнь-цзи» (13); похожий рассказ есть в «Удзи сю:и» (30)

10–37. Рассказ о том, как в Чанани на рынке старуха раздавала людям рисовую кашу

卷 10 第 37 話 長安市汲粥施人媼語 第卅七

В стародавние времена в Китае в Чанани на рынке была одна старуха: она варила помногу рисовой каши и раздавала людям.

По рынку ходило столько людей, что не сосчитать, от восхода солнца до заката входили в ворота, выходили, а перед воротами стояли горячая каша и чашки в ряд: сотни, тысячи чашек. Старуха в них накладывала кашу, кормила людей и так зарабатывала заслуги.

Поначалу она кашу раскладывала черпаком, осторожно, но прошли годы и месяцы, старуха наловчилась и с расстояния в один-два дзё: [3–6 м] раскидывала кашу по чашкам, не пролив ни капли мимо.

А потом прошли ещё месяцы и годы, старуха научилась раскидывать кашу с расстояния в четыре-пять дзё: [12–15 м], опять же ни капли не роняя мимо. Кто видел это, говорили меж собой: вот и в любом деле, если много лет упражняешься, научишься подобному! Так передают этот рассказ.

Источник рассказа неизвестен.

10–38. Рассказ о том, как в море сражались два дракона и охотник одного из них застрелил

卷 10 第 38 話 於海中二竜戰獵師射殺一竜得玉語 第卅八

В стародавние времена в Китае жил один охотник.

Как-то раз он пришел туда, где горный лес выходит к берегу моря, сел в засаду и ждал, когда выйдут олени, собирался стрелять их. Глядь – из моря явились два дракона. Один синий, другой красный. Они стали кусаться, драсться друг с дружкой. Охотник думает: удивительно! Смотрит – а они дрались целый час, синий дракон проиграл и сбежал.

На другой день охотник смотрит – в тот же час, как и вчера, опять явились два дракона, снова стали драсться, и синий проиграл и сбежал. Уже два дня синий дракон терпел поражение.

Охотник, чтобы поглядеть, остался там ещё на одну ночь. И на третий день явились два дракона. Опять подрались, синий стал

проигрывать, видно было, что он слабее. И смотреть на него – жалко безмерно.

Тогда охотник подумал: три дня я смотрю, уже дважды синий дракон проиграл. Чтобы помочь ему, застрелю красного дракона! Наложил стрелу на тетиву, прицелился в красного дракона, выстрелил, точно попал. Тогда красный дракон сбежал, нырнул в море. И синий дракон, целый и невредимый, тоже скрылся в море.

А потом глянь – синий дракон появился из моря. Держит в пасти жемчужину, плывёт к берегу. Тут охотник думает: я подстрелил его врага, красного дракона, поэтому синий дракон сумел победить. Он мне за это благодарен. Чтобы воздать мне, он принёс жемчужину, хочет дать её мне! Понял это и подошёл к берегу, дракон увидел охотника, приблизился, оставил жемчужину на берегу, а сам вернулся в море.

Тогда охотник взял жемчужину и отправился домой. С тех мор у него всё было, чего желало сердце, ни в чём он не знал нужды. Дом его стал богат, полон сокровищ. Удивительное дело! Так передают этот рассказ.

Источник рассказа – вероятно, «Фаюань чжусулинь» (64); похожие эпизоды есть в самом «Кондзяку» (26–9), в «Кодзидан» (5), в «Тайхэйки» и др.

10–39. Рассказ о том, как Янь Дань нашёл рогатого коня

卷 10 第 39 話 燕丹令生馬角語 第卅九

В стародавние времена в Китае при династии Цинь жил человек по имени Янь Дань. Был он отважен и рассудителен.

Когда он был ребёнком, он последовал за государем, отправился в Цинь. Потом хотел вернуться домой, но не мог. Он не виделся с отцом и матерью. Так что Янь Дань горевал, тосковал по родителям, просил государя отпустить его, но тот отказал.

А он плакал, горевал, всё просил: отпустите! И государь молвил: покажи мне голову белого ворона, рога белого коня. Тогда отпущу тебя домой.

Янь Дань это услышал, взмолился, глядя в небо, и тотчас нашёл голову белого ворона. Просил, распростершись на земле, и к нему прискакал рогатый конь. Он о том доложил государю, государь подумал: удивительное дело! И вскоре отпустил Янь Даня домой.

Так что Янь Дань, как и хотел, вернулся в родные места, увидел отца и мать, рад был и тронут. Так передают этот рассказ.

Рассказ восходит к «Ши-цзи» (гл. 34 и 86), где, однако, судьба Янь Даня решается иначе, а «конь с рогами» упоминается лишь как нечто невероятное. Похожие эпизоды есть в «Тю:ко:сэн» (1–72), «Сё:монки», «Хо:буцу-сю:» (1), «Хо:гэн-моногатари» (5), «Гэмпэй дзё:суйки» (17) и др.

Речь идёт о первом государстве Цинь, Шихуан-ди (см. рассказ 10–1). Дань, наследник царства Янь, жил у него в заложниках.

10–40. Рассказ о том, как Ли Дэ и Мин Дэ постоянно выпивали вместе

卷 10 第 40 話 利德明德興酒常行会語 第四十

В стародавние времена в Китае при династии [?] жили двое пьяниц, Ли Дэ и Мин Дэ. Не реже чем раз в три дня они всегда ходили друг к другу в гости и выпивали, таков был их обычай.

И вот, как-то раз Ли Дэ выехал в поля на охоту. А Мин Дэ не знал, что его нет дома, пришёл к нему. И хоть хозяина и нет, попросил у его домашних чарку, уселся на мостике над прудом, взял чарку, выпил воды и вернулся восвояси.

Вечером Ли Дэ вернулся, жена ему рассказала, как приходил Мин Дэ. Ли Дэ выслушал, и наутро сам сел на мостике, набрал в чарку воды, как вчера, и прочёл стихи: не то чтоб я хотел выпить, но мне не хватает Мин Дэ!

Даже из-за выпивки люди в старину вели себя так. Так передают этот рассказ.

Источник рассказа неизвестен, похожий эпизод есть в «*Tю:ко:сэн*» (1–74).